

Научная статья

УДК 811.2.373.7

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/81-118>

Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка

Александр Сергеевич Дыбовский¹, Марина Вячеславовна Щепетунина²

¹ Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

² Университет Киото Сангё, Киото, Япония

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения,
почётный профессор Осацкого университета,
dybovskii.as@dvfu.ru

² Кандидат наук по специальности «Язык и культура»,
преподаватель университета Киото Сангё,
a007168@cc.kyoto-su.ac.jp

Аннотация. В этой статье при помощи методов структурно-семантического, этимологического и функционального анализа мы исследуем композицию и особенности семантики двухсимвольных фразеологизмов современного японского языка (二字熟語), выявляя их «внутреннюю форму» (А.А. Потебня), структурные и семантические особенности, а также функционально-синтаксические свойства. Двухсимвольные фразеологизмы представляют собой самый большой и малоисследованный разряд протокитайских² фразеологизмов современного японского языка. Авторы описывают основные пути идиоматизации значения двухсимвольных протокитайских фразеологизмов, их основные структурные типы, а также их функционально-семантические классы (принадлежность к разным частям речи). Особенности и механизмы метафоризации значения двухсимвольных протокитайских фразеологизмов исследуются с позиций когнитивной лингвистики, а также теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Ключевые слова: двухсимвольные фразеологизмы, структурные типы двухсимвольных фразеологизмов, метафоризация как средство идиоматизации значения, внутренняя форма двухсимвольных фразеологизмов, двухсимвольные иероглифические идиомы, грамматика двухкомпонентных протокитайских фразеологизмов, функционально-семантические классы двухсимвольных фразеологизмов

Для цитирования: Дыбовский А.С., Щепетунина М.В. Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 81–118.

© Дыбовский А.С., Щепетунина М.В., 2025

² Протокитайскими мы называем фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также созданные (и создаваемые) в Японии по китайским и исконно японским моделям. Среди двухсимвольных фразеологизмов есть группа исконно японских слов, а также западных заимствований, в графической фиксации которых используются устойчивые идеографические сочетания китайских иероглифов, называемые японскими исследователями 熟字訓 *дзюкудзюнкун* – «иероглифические идиомы» [17] (подробнее – в первом разделе этой статьи).

Original article

Two-character phraseological compounds in contemporary Japanese

Alexander S. Dybovsky¹, Marina V. Shchepetunina²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

² PhD in “Language and Culture”, Lecturer of Kyoto Sangyo University, a007168@cc.kyoto-su.ac.jp

Abstract. In this article, we investigate the structure and semantic properties of bi-character phraseological units in modern Japanese, employing structural-semantic, etymological, and functional analysis methods. We elucidate their "inner form" as per A.A. Potebnja's concept, alongside their structural and semantic attributes and functional-syntactic properties. These units constitute the most extensive and understudied category of proto-Chinese phraseologies in contemporary Japanese. The authors delineate the principal ways of idiomatization of these units, their fundamental structural types, and their functional-semantic classes, aligning them with various parts of speech. The mechanisms of metaphorization of meanings of these bi-character proto-Chinese phraseological units are analyzed from the perspectives of cognitive linguistics and G. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor.

Key words: two-character phraseological units, structural types of two-character phraseological units, metaphorization as a means of idiomatization of meaning, inner form of two-character phraseological units, two-component ideographic idioms, functional-semantic classes of two-character phraseological units, grammar of bi-component proto-Chinese phraseological composites

For citation: Dybovsky A.S., Shchepetunina M.V. Two-character phraseological compounds in contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 81–118. (In Russ.).

Введение

Фразеологизмами мы называем сложные языковые единицы, значение которых в той или иной степени идиоматично. Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским будем считать, что базовыми факторами идиоматичности значения языковой единицы являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов словосочетания, то есть наличие семантических сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов; 2) непрозрачность значения (неясность правила порождения значения, отсутствие одного или нескольких компонентов этого выражения в лексической системе языка, неясность грамматической формы) и 3) усложнение способа указания на денотат в результате метафоризации выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [2, с. 44–45]. В японской лингвистической литературе для обозначения фразеологизмов протокитайского слоя лексики обычно используется термин дзюкуго (熟語 – букв. «созревшие слова» → «идиоматические выражения»; см. [5, с. 72–73]). Так как двухсимвольные фразеологизмы обычно не принимаются во внимание в контексте изучения фразеологии японского языка, то считается, что в японском языке в количественном отношении преобладают четырёхсимвольные протокитайские фразеологизмы [4,

с. 3]. Четырёхсимвольных сложных лексем в японском языке несколько тысяч, и структурно-грамматически они могут представлять собой даже простое или сложное предложение, этимологически состоящее из четырёх одноморфемных слов классического китайского языка *вэньяня*¹, каждое из которых записывается при помощи отдельного иероглифа и является структурным элементом фразеологизма. Указанная особенность относится и к двухсимвольным канго. Каждый компонент их структуры этимологически связан с отдельным словом *вэньяня*. Грамматические отношения протокитайских компонентов канго актуальны не только для китайского, но и для современного японского языка. При этом значения двухкомпонентных протокитайских сложных слов обладают различной степенью идиоматичности, и они, конечно же, никак не уступают в количественном отношении четырёхсимвольным китаизмам, так как именно двухсимвольные канго абсолютно преобладают в составе протокитайской лексики современного японского языка. А их корпус исчисляется несколькими десятками тысяч лексем.

При подходе к протокитайской лексике японского языка с точки зрения фразеологии весь массив двухсимвольных канго можно подразделить на следующие два класса лексем:

1. Двухсимвольные канго с совершенно прозрачной «внутренней формой» без существенных семантических сдвигов в значениях компонентов, прямо соответствующих значениям используемых для написания того или иного китаизма иероглифов, например: 大國 *тай-коку* – букв. «большая страна» (大 «большой»; 國 «страна, государство»); 少女 *сё:дзё* – «девушка», «девочка»; букв. «маленькая женщина» (少 «маленький, малый»; 女 «женщина»); 船長 *сэнтё:* – «капитан»; букв. «главный на корабле» (船 «корабль, судно»; 長 «начальник, глава»); 王 *о:дзи* – «принц»; букв. «сын короля» (王 «король»; 子 «ребёнок»); 戰鬥 *сэнто:* – «бой», «сражение», «битва»; букв. «война и борьба» (戰 «война, сражение»; 鬪 «борьба, битва»); 建築 *кэнтику* – «архитектура», «строительство»; букв. «строить и возводить» (建 «строить, возводить»; 築 «строить, сооружать»); 見物 *кэмбуцу* – «осмотр достопримечательностей», «экскурсия»; букв. «смотреть на вещи» (見 «смотреть»; 物 «вещи, объекты») и т. д.

2. Двухсимвольные канго с непрозрачной (не совсем прозрачной) внутренней формой, в значении которых обнаруживаются те или иные описанные выше признаки идиоматичности, например: 長所 *тё:сё* – «сильная сторона, достоинство»; букв. «длинное место» (長 «длинный»; 所 «место»); 熟語 *дзюкуго* – «составное слово», «идиома»; букв. «спелое, созревшее слово» (熟 «созревший, хорошо развитый»; 語 «слово, речь»); 遊女 *ю:дзё* – «куртизанка»; букв. «играющая женщина» (遊 «играть, развлекаться»; 女 «женщина»); 天子 *тэнси* – «император»; букв. «небесный сын» (天 «небо»; 子 «сын»); 別嬪 *бэппин* – «красавица»; букв. «особенная императорская наложница» (別 «особенный»; 嬪 *арх.* «императорская наложница (обладавшая придворным рангом»); 家内 *канай* – «жена»; букв. «внутри дома» (家 «дом, семья»; 内 «внутри»). Среди китаизмов этого типа немало историзмов, например: 臣下 *синка* – «подданный», «вассал»; букв. «находящийся под властью господина» (臣 *оми ист.* «наследственный аристократический титул в государстве Ямато»; 下 «низ, под», «некто, находящийся в подчинении»); 幕府 *бакуфу* – «сёгунат»; букв. «штаб палатки» (幕 – «палатка, занавес»; 府 – «правительствен-

¹ *Вэньянь* (кит. 文言 *wényán*) – это классический китайский письменный язык, который «начал складываться на рубеже н. э. на основе классических текстов V–III вв.» [8, с. XI] и просуществовал в Китае до начала XX века. К началу нашей эры *вэньянь* стал языком китайской науки и философии, юриспруденции, официальной документации.

ное учреждение»); 奉行 *бугё*: – «префект, управляющий»; «правительственный чиновник, в период Эдо»; букв. «исполняющий долг» (奉 – «преподносить», 行 – «исполнение»).

В этой статье предметом анализа являются двухсимвольные *канго* второго типа, то есть протокитайские двухсимвольные фразеологические композиты (далее П2ФК) современного японского языка. В качестве методов исследования используются структурно-семантический, этимологический и функциональный анализ. **Цель этой публикации** состоит в том, чтобы показать не описывавшиеся ранее в нашей стране особенности японской фразеологии, а также глубокую укоренённость в японской лингвокультуре протокитайских идей и концептов. Мы описываем структурные и семантические свойства П2ФК, исследуем особенности интеграции составных элементов фразеологизмов в составе сложного слова, выявляя их «внутреннюю форму» [9, с. 160], обращаемся к их этимологии. **Важнейшими задачами** этой публикации являются также выяснение особенностей речевого функционирования и места двухсимвольных фразеологизмов в лексической системе японского языка, анализ механизмов фразеологизации (идиоматизации) П2ФК японского языка.

«Внутренняя форма» вслед за А.А. Потебнёй понимается как «ближайшее этимологическое значение слова» [9, с. 160] и «форма организации значения» фразеологизма [10, с. 191]. В протокитайских фразеологизмах японского языка она (внутренняя форма) во многих случаях выявляется в буквальном прочтении исходных значений иероглифов, при помощи которых соответствующие протокитайские фразеологизмы записываются. Многие протокитайские фразеологизмы японского языка связаны с историей китайской культуры и нередко представляют собой своеобразные «послания из прошлого», неразрывно связанные с китайской иероглифической графикой, корпус которой выходит далеко за рамки иероглифических лимитов, введшихся в Японию после Второй мировой войны [7].

Рис. 1. 杞憂

П2ФК – органическая часть китаизмов японского языка. Функционально они не отличаются от прочих двухкомпонентных (двухсимвольных, двухморфемных) *канго*, но обладают одним или несколькими признаками идиоматичности. Рассмотрим несколько примеров:

1) 杞憂 *кию*: – «напрасные опасения, беспочвенные страхи»; 杞 *ки* – «Царство Ци» (аллюзия на древнюю китайскую легенду о человеке, которому казалось, что на него вот-вот обрушится небо), 憂 *ю*: – «тревога, беспокойство»; грамматически 杞 *ки* – определение, 憂 *ю*: – определяемое;

2) 放胆 *хо:тан* – «смелость, решительность»; 放 *хо*: – «отпускать, освобождать», 胆 *тан* – «печень»; грамматически 放 *хо*: обозначает действие, 胆 *тан* – объект действия (прямое дополнение);

3) 斯界 *сикай* – *кн.* «данная область (знаний), данная специальность»; 斯 *си* – «этот», «данный»; 界 *кай* – «граница», «пределы»; грамматически 斯 *си* – определение, 界 *кай* – определяемое;

4) 當々 *эйэй* – «усердие, прилежание»; 當 *эй* – «управлять, трудиться»; грамматически копулятивная связь двух равноправных компонентов – 當 *эй* в составе двухморфемного *канго* (словообразовательная редупликация).

В первом примере (杞憂 *кью:*) идея беспочвенного беспокойства выражается при помощи отсылки к переживаниям подданного древнекитайского царства Ци (XVI в. до н. э. – 445 г. до н. э.), который жил более двух тысяч лет назад (Рис. 1), что являет собой явное «усложнение способа указания на денотат» [2, с. 45], о котором говорилось выше в определении идиоматичности. При этом сам иероглиф 杞 непродуктивен и практически не употребляется нигде, кроме описанного П2ФК (вспомните «бирюльки», «баклуши», невидимые «зги» русского языка).

Во втором примере (放胆 *хо:тан*) смелость и решительность описываются при помощи глагольной конструкции вэньяня, которую буквально можно перевести на русский язык как «отпустить печень», то есть «дать волю своей храбрости» (Рис. 2). Известно, что древние китайцы считали печень вместилищем храбрости, и мы опять имеем значительное «усложнение способа указания на денотат», то есть явные признаки идиоматичности значения двухкомпонентного китаизма.

Рис. 2. 放胆

В третьем примере (斯界 *сикай*) происходит переинтерпретация значения слова 界 (*кай* – «граница»), которое из пространственно-физического контекста переносится в интеллектуально-профессиональную сферу. И, кроме того, 界 (*кай*) определяется непродуктивным иероглифом 斯 (*си*), то есть, строго говоря, не иероглифом, а архаичной морфемой, которая этим иероглифом обозначается.

В четвёртом примере (営々 *эйэй*) перед нами копулятивное сочетание двух элементов (этимологически двух слов вэньяня), которое по нормам китайской грамматики призвано создавать образное выражение, близкое к ономотопам. Поэтому это слово обычно используется в современном японском языке в функции приакцидентного определения, описывающего действительность образно. Корпус Тюнагон [18] даёт нам 76 иллюстраций такого использования. Приведём примеры:

私たちは、営々と努力を重ねて人と人とのつながりが希薄であっても生きていける社会を作上げた *Ватаситати ва, эйэй то дорёку о касанэтэ, хито то хито то но цунагари га кихаку дэ аттэ мо икитэ икэру сякай о цукуруагэта* – «Трудясь не покладая рук, мы создали общество, в котором можно жить, даже при том, что связи между людьми ослабли» [中納言];

人間はやがて死を迎えることを承知しながら、営々と努力を続けているわけです *Нингэн ва ягатэ си о мукаэру кото о сё:ти синагара, эйэй то дорёку о цудзукэтэ иру вакэ дэс* – «Даже осознавая, что он скоро умрёт, человек продолжает трудиться не покладая рук» [中納言].

Как видим, во всех приведённых примерах П2ФК обнаруживаются признаки идиоматичности. Ещё менее прозрачные П2ФК мы обнаружим, если обратимся к буддийским терминам, которые пришли в Японию через Китай в иероглифической графике (Рис. 3). Приведём ещё несколько примеров:

5) 真言 *сингон* – буд. «мантра»; 真 *син* – «истинный, настоящий», 言 *гон* – «слово, речь»; грамматически определение и определяемое;

6) 無明 *мумё:* – буд. «неведение, иллюзия»; 無 *му* – «без, не» (показатель отрицания), 明 *мё:* – «свет»; грамматически отрицание наличия предмета;

Рис. 3. Буддизм в Японии

7) 三昧 *саммай* – буд. «самадхи, медитативный транс (*санскр.* *samādhi*)»; *перен.* «поглощённость чем-либо»; 三 *сан* – «три», 昧 *май* – «неясный, тёмный»; грамматически атрибутивные отношения;

8) 涅槃 *нэхан* – буд. «нирвана, просветление»; 涅 *нэ* – *арх.* «тёмный (чёрный) осадок со дна водоёма (который использовался для получения чёрной краски)», 槃 *хан* – «тарелка»; «сворачиваться, скручиваться»; грамматически не интерпретируется однозначно.

В пятом примере (真言 *сингон*) буддийское понятие «мантра» передаётся в иероглифической записи как «истинное слово», в шестом (無明 *мумё:*) «неведение», которое в буддизме объявляется корнем всех страданий и препятствием на пути к просветлению, изображается как «отсутствие света». В седьмом и восьмом примерах иероглифы не имеют объяснительного смысла и не дают оснований для понимания сложных буддийских понятий, так как, по всей вероятности, используются фонетически. Однако их фонетическое использование не лишает соответствующие иероглифы исконных системных значений, которые становятся элементами «внутренней формы» пришедших в японский язык заимствований, делая выражение непрозрачным и усложняя способ указания на денотат (см. подробнее в следующем разделе).

Далее мы рассмотрим средства идиоматизации П2ФК, опишем их структурные типы и функционально-семантические классы (принадлежность к частям речи).

1. Метафоризация и другие пути формирования двухсимвольных фразеологизмов

В этом разделе статьи мы рассматриваем основные пути идиоматизации значений двухсимвольных канго современного японского языка, а именно метафоризацию, переинтерпретацию значений компонентов П2ФК, а также символизм так называемых «подставленных» иероглифов – атэдзи.

1.1 Метафоризация как средство идиоматизации значений П2ФК

Метафоризация является наиболее распространённым способом создания П2ФК. В процессе метафоризации, как отмечает А.Н. Баранов в предисловии к переводу книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» [3, с. 9], происходит взаимодействие «двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (*source domain*) и когнитивной структуры «цели» (*target domain*)». В процессе метафоризации некоторые области вышеупомянутой «цели» структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*) или «когнитивное отображение» (*cognitive mapping*). Если речь идёт о фразеологизме, то этот процесс может происходить как на уровне отдельных компонентов, так и на уровне фразеологической единицы, значение которой обычно не сводится к сумме значений её конструктивных компонентов.

Фразеологизмы обладают различной степенью идиоматичности. При их создании значение одного или нескольких компонентов (либо всего выражения) переносится с исходного домена на целевой. Обычно значения целевого домена более абстрактны, чем исходного. Согласно концепции В.Н. Телия, «фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпиричес-

¹ *Самадхи* – это состояние глубокой концентрации, являющееся одним из важнейших аспектов буддийской медитации. Этот термин обозначает состояние полного освобождения от страданий и цикла перерождений (*сансара*) в буддизме.

кий, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [10, с. 214].

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как феномен, который проявляется во всех аспектах повседневной жизни и влияет не только на язык, но и на мышление и поведение людей. Это означает, что наша система мышления в значительной степени зависит от метафор [12, с. 4–5]. С этой точки зрения понимание метафор связано с пониманием языковой картины мира. Считается, что культурные особенности концептов, описанных метафорически, часто укоренены в культурных знаниях, которые носители языка усваивают через мифологию, религию, литературу и другие аспекты культуры [1, с. 398–399]. Процессы концептуализации и метафоризации обладают своими особенностями в каждом языке.

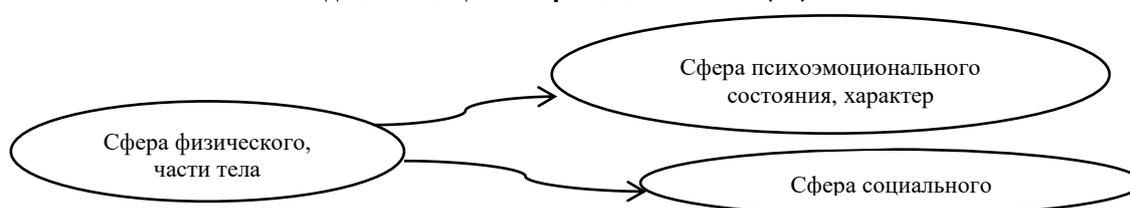
В корпусе П2ФК японского языка обнаруживаются как фразеологизмы, в которых сфера-источник названа напрямую (например, 虎穴 *кокэцу* – *кн.* «логово тигра»; 虎 *ко* – «тигр»; 穴 *кэцу* – «яма», в значении «опасное место», основа сравнения прозрачна – место такое опасное, как логово тигра), так и П2ФК, в которых сравнение не столь прозрачно, а сфера-источник и сфера-цель формируют концептуальную метафору, например 迷走 *мэйсо*: – «сбиться с дороги, блуждать»; «бежать», в значении «заблудиться» как в прямом, так и в переносном значении. Употребление этого П2ФК в переносном значении обуславливается восприятием жизни человека как пути и интерпретацией этого абстрактного концепта через физическое движение.

Лакофф и Джонсон возводят значение многих метафор к эмпирическому телесному опыту. Так, например, абстрактное понятие жизни человека может описываться при помощи лексики семантического поля физического движения человека. Как в английском, так и в русском и в японском языках распространены такие онтологические метафоры, как «Жизнь – это путь, путешествие», «Жизнь – это борьба». И, соответственно, во всех трёх языках существует ряд фразеологизмов, восходящих к этим концептуальным, как их назвали Лакофф и Джонсон [12, с. 5], метафорам. Следует отметить, что перенос значений с одного семантического поля на другое может основываться как на принципе метафоры (сравнения на основе сходства одного или нескольких признаков явлений), так и на принципе метонимии. Концептуальные метафоры рассматриваются нами как инструменты мышления, которые позволяют структурировать значения и являются продуктивными, то есть в рамках одной концептуальной метафоры возникают новые словосочетания, ею обусловленные.

Согласно позиции Лакоффа и Джонсона, человеческое тело служит основой для многих концептуальных метафор. Части тела используются как отправные точки для описания сложных абстрактных понятий. Это связано с нашей телесной сущностью и с тем, что мы ощущаем и познаём мир через физический опыт непосредственно с самого рождения.

Обратимся к примерам переноса значений из конкретной сферы понятий, относящихся к телу человека, на абстрактное поле его психической и социальной деятельности в П2ФК.

Идиоматизация – перенос значений (1)

Рассмотрим несколько концептуальных метафор, к которым восходит ряд П2ФК, содержащих иероглифы со значением «сердце», «живот», «рука» и «нога».

Концептуальная метафора «Сердце – эмоциональный центр человека»

Приведём примеры П2ФК, обусловленных этой метафорой:

1) 腐心 *фусин* – «мучиться над чем-то, ломать голову»; 腐 *фу* – «гнить»; 心 *син* – «сердце». В этом фразеологизме концепт 腐 *фу* обозначает состояние (изношенность или разложение), а 心 *син* – то, что находится в этом состоянии (внутренние усилия, напряжение). Используется принцип метонимии: концепт «сердце» символизирует эмоции или внутренние переживания человека, связанные с чрезмерным напряжением. Пример употребления: 健全な財務体質の維持に腐心する *Кэндзэнна дзайму тайсицу но идзи ни фусин суру* – «Прилагать невероятные усилия для поддержания стабильного финансового положения» [中納言];

2) 苦心 *кусин* – «старание, усилие, беспокойство»; 苦 *ку* – «страдание»; 心 *син* – «сердце». Концепт 苦 *ку* обозначает состояние страдания, а 心 *син* – то, что страдает (душа). Выражение построено на метонимии: сердце здесь – сосредоточие внутренних переживаний от усилий или борьбы. Пример употребления: 十四年の長い年月を苦心されて出来上がった御絵 *Дзю:ёнэн но нагай нэнгэцу о кусин сарэтэ дэкиагатта оэ* – «Картина, созданная с большим трудом за долгие четырнадцать лет» [中納言];

3) 心配 *симпай* – «беспокойство, волнение, забота»; 心 *син* – «сердце»; 配 *хай* – «распределять». Концепт 心 *син* указывает на источник эмоции (беспокойство), а 配 *хай* – на действие (проявление заботы, переживание). Сердце здесь метонимически связано с состоянием беспокойства, так как считается, что эмоции исходят из сердца. Пример употребления: 「医者を呼びましょう」警官は心配してくれた *«Ися о ёбимасё:» кэйкан ва симпай ситэ курэта* – «"Давайте позовём врача", – проявил беспокойство полицейский» [中納言];

4) 心願 *синган* – «желание, идущее из сердца»; 心 *син* – «сердце»; 願 *ган* – «желание, просьба». Концепт 心 *син* – «сердце» обозначает источник желания, а концепт 願 *ган* – просьбу или пожелание. Концепт «сердце» используется метонимически. Он указывает на искренность и глубину человеческого желания. Пример употребления: 心願成就を祈う *Синган дзё:дзю о инору* – «Молиться об исполнении заветного желания» [中納言].

В вышеприведённых П2ФК концепт «сердце» связан с внутренним состоянием человека (переживания, желания, тревога). Он используется метонимически для выражения чувства или душевного состояния человека, которые как бы исходят из этого «внутреннего эмоционального центра» личности. В японском языке много выражений, в которых концепт «сердце» является конструктивным компонентом П2ФК, так или иначе передающих состояние страдания или беспокойства.

Концептуальная метафора «Живот – вместилище эмоций»

В некоторых двухсимвольных фразеологизмах концепт 腹 *фуку* – «живот» символически используется как место, где «хранятся» или «накапливаются» психические состояния человека – эмоции, желания, намерения или даже моральные качества. Попутно заметим, что в

русской лингвокультуре концепт «живот» обычно воспринимается как сосредоточие жизни (ср. «Не жалея живота своего»). Рассмотрим примеры:

1) 満腹 *мампуку* – «сытость»; 満 *ман* – «наполненный, полный»; 腹 *фуку* – «живот». Концепт 満 *ман* в данном случае указывает на состояние наполненности, а 腹 *фуку* – на место локализации указанного состояния (живот). Метафорически П2ФК обозначает насыщенность не только физическую, но и эмоциональную или духовную. Здесь используется метафора-сравнение: наполненный пищей живот символизирует удовлетворение (не обязательно связанное только с едой). Пример употребления: かなり満腹感があります *Канари мампуку кан га аримас* – «Есть большое чувство насыщения» [中納言];

2) 腹蔵 *фукудзо*: – «скрытые мысли, намерения»; 腹 *фуку* – «живот»; 蔵 *дзо*: – «хранить». Концепт «живот» здесь представляется вместилищем, в котором хранятся эмоции, мысли или намерения личности. Пример употребления: 愛想笑いでニヤニヤして腹蔵を隠す *Айсо: вараи дэ нияния ситэ фукудзо: о какусу* – «Прятать свои истинные намерения за притворной улыбкой» [中納言];

3) 立腹 *риппуку* – «гнев, ярость»; 立 *рицу* – «стоять, вставать»; 腹 *фуку* – «живот». Концепт 立 *рицу* – «стоять», «вставать» обозначает действие (вставание), а 腹 *фуку* – образно передает место локализации эмоций (гнев, как бы находящийся в животе). Пример употребления: 何に対して立腹しているのか? *Нани ни тайситэ риппуку ситэ иру но ка?* – «Что вызвало такой гнев?» [中納言].

В П2ФК 満腹 *мампуку* или 腹蔵 *фукудзо*: концепт «живот» служит вместилищем, в котором могут быть как пища, так и эмоции. В 立腹 *риппуку* «живот» связан с внутренним миром человека – чувствами, эмоциями, скрытыми намерениями.

Метафоризация понятий «сердце» и «живот» имеет общие черты. Оба концепта используются как исходный домен для описания психологического состояния человека. При этом в вышеприведённых примерах концепт «сердце» больше воспринимается как «страдающая душа» или центр возникновения эмоций, а «живот» – как вместилище чувств, намерений и скрытых качеств человека.

В японском языке есть также П2ФК, совмещающий в себе эти два концепта:

4) 腹心 *фукусин* – «доверенное лицо»; 腹 *фуку* – «живот»; 心 *син* – «сердце», «душа». Протокитайский концепт 腹 *фуку* здесь символизирует внутреннюю близость, а 心 *син* уточняет связь на уровне чувств и ощущений. Концепт «живот» при этом ассоциируется с внутренней близостью и искренностью. Пример употребления: 社長の腹心の部下たち *Сятё: но фукусин но букатати* – «Доверенные лица из ближнего круга президента компании» [中納言].

Концептуальная метафора «Рука – инструмент действия»

Эта метафора базируется на физическом опыте, в котором руки воспринимаются как основное средство взаимодействия человека с окружающим миром, предназначенное для выполнения актуальных задач и достижения поставленных целей. Рассмотрим примеры:

1) 着手 *тякюсю* – «начать, приступить»; 着 *тяку* – «начинать, надевать»; 手 *сю* – «рука». Концепт 着 *тяку* обозначает начало действия, а 手 *сю* используется для обозначения субъекта действия; в данном случае подразумеваются «руки», которые начинают работу. Концепт

«рука» здесь метонимически обозначает актора производимых действий. Пример употребления: 具体的な法案の作成に着手したい Гутайтэкина хо:ан но сакусэй ни тякюсю ситай – «Хочу приступить к разработке конкретного законопроекта» [中納言];

2) 手段 *сюдан* – «средство, метод»; 手 *сю* – «рука»; 段 *дан* – «шаг, ступень». Концепт *手 сю* символизирует средства, а *段 дан* – последовательность или этапы действий. Концепт «рука» используется здесь метонимически для обозначения инструментов или методов достижения цели. Пример употребления: 電話は、最も身近で手軽なコミュニケーションの手段です Дэнва ва, моттомо мидзика дэ тэгаруна комюникэ:сён но сюдан дэс – «Телефон – это самый доступный и удобный способ коммуникации» [中納言];

3) 助手 *дзёсю* – «помощник, ассистент»; 手 *сю* – «рука»; 助 *дзё* – «помощь, поддержка». Концепт «рука» используется метафорически, обозначая непосредственную помощь или выполнение задач под руководством другого человека. Пример употребления: 研究助手をつとめる大学院生 Кэнкю: дзёсю о цутомэру дайгаку инсэй – «Аспирант, работающий научным ассистентом» [中納言].

В рассмотренных примерах концепт «рука» выступает как средство обозначения акторов, инструментов или способов совершения действия. Это изначально обусловлено функциональной ролью рук человека в реальной жизни, ведь именно руки являются важнейшим инструментом нашего взаимодействия с миром.

Концептуальная метафора «Нога как способ достижения цели»

Рассмотрим примеры:

1) 満足 *мандзоку* – «удовлетворение»; 満 *ман* – «наполнять, полный»; 足 *соку* – «нога» (здесь – «достаточность»). Здесь концепт *満 ман* указывает на состояние полноты, а *足 соку* обозначает достаточность чего-либо, связанного с завершением движения. Концепт «нога» ассоциируется с завершением движения или действия. Когда «ноги» завершают путь, это символизирует достижение цели или достаточность совершённого действия. Пример употребления: これではみなさんに満足してもらえる Корэ дэ ми́насан ни мандзоку ситэ мораэру – «Теперь все должны остаться довольны» [中納言];

2) 補足 *хосоку* – «дополнение»; 補 *хо* – «добавлять, дополнять»; 足 *соку* – «нога» (здесь – «недостающее»). Концепт *補 хо* указывает на действие добавления, а концепт *足 соку* обозначает недостающую часть (то, что нужно «добавить», чтобы завершить движение). Пример употребления: 答弁の補足があります То:бэн но хосоку га аримас – «Есть дополнение к ответу» [中納言];

3) 足跡 *сокусэки* – «след, отпечаток ноги»; «пройденный путь»; 足 *соку* – «нога»; 跡 *сэки* – «след». Концепт *足 соку* выражает идею движения, а *跡 сэки* – его результат (след на земле). «След от ноги» метафорически передаёт идею оставленного наследия, результатов работы или жизненного пути. Пример употребления: 「サイバネティックス」という分野を開き、大きな足跡を残したアメリカの数学者ノーバート・ウィーナー «Сайбанэтиккусу» то цу бунъя о хираки, о:кина сокусэки о нокосита Амэрика но су:гакся Но:бато Уи:на: – «Американский математик Норберт Винер, оставивший большой след, открыв область под названием «кибернетика»» [中納言].

В рассмотренных выше примерах понятие «нога» выступает как символ завершённости, недостающего элемента, результата, концептуализируется как средство достижения цели.

Проведённый анализ П2ФК показывает, что метафоризация частей тела человека служит важным инструментом формирования фразеологизмов. Концепты «сердце», «живот», «рука», «нога» становятся основой для формирования концептуальных метафор, позволяющих переносить физический опыт человека на сферу его психической, социальной и духовной деятельности.

Концепт «сердце» в П2ФК выступает в качестве эмоционального центра личности, метафорически выражая страдания, переживания и желания. Концепт «живот» символизирует вместилище эмоций и намерений, подчёркивая их скрытый или глубинный характер. Концепт «рука» отражает функциональную природу человеческой деятельности, метонимически обозначая действия, инструменты или способы достижения цели. Нога ассоциируется с процессом движения, выступая метафорой завершённости, достижения чего-либо, или прогресса.

Далее рассмотрим метафору «Жизнь – это путь», которая тесно связана с идеей движения, достижения целей и преодоления препятствий, находя своё отражение в ряде П2ФК. Метафоризация понятия «жизнь человека» через физическое движение характерна для многих лингвокультур, включая китайскую и японскую.

Концептуальная метафора «Жизнь – это путь»

Рассмотрим конкретные примеры:

1) 出発 *сюптацу* – «отправление, старт»; 出 *сюцу* – «выходить»; 発 *хацу* – «старт, отправление». Идея пространственного движения легко переносится в сферу социальной жизни, например: [会社は] 構成員の自己修養を出発点とする集団である [Кайся ва] *ко:сэйин но дзико сю:ё: о сюптацутэн то суру сю:дан дэ ару* – «[Компания – это] коллектив, который начинается с самосовершенствования его членов» [中納言];

2) 蹉跌 *сатэцу* – «спотыкание, неудача»; «падение»; 蹉 *са* – «спотыкаться»; 跌 *тэцу* – «падать», «оступаться». Физическое спотыкание метафорически может передавать идею жизненных трудностей или неудач, возникающих на пути к цели, например: 一歩ずつ着実に計画を進めなければ、思わぬ蹉跌が生じるかもしれない *Инно дзуцу тякудзицу ни кэйкаку о сумэнакэрэба, омовану сатэцу га сё:дзиру камосирэнай* – «Если не реализовывать план пошагово, нас могут ждать непредвиденные неудачи» [中納言];

3) 突破 *топпа* – «прорыв, преодоление»; 突 *тоцу* – «столкнуться»; 破 *ха* – «ломать, разрушать». Образ преодоления физических препятствий переносится на интеллектуально-духовную сферу, например: さまざまな不如意を突破して *Самадзама но фунёи о топпа ситэ* – «Преодолев различные трудности» [中納言];

4) 進歩 *симпо* – «прогресс», «развитие»; 進 *син* – «двигаться вперёд»; 歩 *хо* – «шаг». 進 *син* обозначает действие (продвижение), а 歩 *хо* – его измерение (шаг как единица измерения

прогресса). Лексемы со значением пространственного перемещения используются для выражения абстрактного понятия «прогресс». このことは、ウイルス学の研究を大きく進歩させた *Коно кото ва, уирусугаку но кэнкю: о о:кику симпо сасэта* – «Это значительно продвинуло исследования в области вирусологии» [中納言];

5) 後退 *ко:тай* – «отступление, регресс»; 後 *ко:* – «назад»; 退 *тай* – «отступать». 後 *ко:* обозначает направление движения, а 退 *тай* – действие (отступление). Физическое движение назад выражает концепцию регресса: 韓国の価格競争力が年々後退している *Канкоку но какаку кё:со:рёку га нэннэн ко:тай ситэ иру* – «Ценовая конкурентоспособность Южной Кореи снижается с каждым годом» [中納言];

6) 迷走 *мэйсо:* – «блуждание, скитание»; 迷 *мэй* – «заблудиться, блуждать»; 走 *со:* – «бежать». Физическое движение используется для описания психологических переживаний: 今仕事探していますが、何に向いているのか見当もつかず迷走しています *Има сигото сага-ситэмас га, нани ни муйтэ иру но ка кэнто: мо цукадзу мэйсо: ситэ имас* – «Сейчас я ищу работу, но даже не представляю, что мне подходит, и нахожусь в замешательстве» [中納言].

Приведённые примеры показывают, что концептуальная метафора «Жизнь – это путь» занимает важное место в японском языке. Она лежит в основе целого ряда П2ФК. Представленные выше выражения описывают разные аспекты человеческой жизни при помощи лексем семантического поля физического движения – «начало пути», «продвижение», «преодоление препятствий», «отступление назад» или «блуждание».

Данная метафора чрезвычайно продуктивна в японской лингвокультуре, и приведённые примеры – лишь малая часть обширного массива фразеологизмов, восходящих к ней. Она используется для выражения как положительных, так и отрицательных событий жизни человека, таких как «продвижение» и «успех», «трудности» и «неудачи», состояние психологического комфорта или даже экзистенциального кризиса.

Эта метафора присутствует во многих языках, но может интерпретироваться по-разному. Так, например, для носителей английского языка описание жизни человека при помощи лексемы, относящейся к семантическому полю движения, может быть связано с идеей «путешествия» или «приключения», а в японской интерпретации концептуальной метафоры «Жизнь – это путь, движение» акцент чаще делается на упорстве, преодолении трудностей и обязательности движения вперёд [16]. Одна из причин данного явления – это различия ценностного содержания образующих концептуальную метафору концептов в разных лингвокультурах.

Обратившись к семантике и языковому функционированию вышеописанных фразеологизмов, мы показали принцип работы концептуальных метафор, передающих сложное абстрактное понятие через более простое и конкретное, как один из механизмов, лежащих в основе образования многих П2ФК. Мы дали краткое описание пяти концептуальных метафор, однако в современном японском языке существует немало других концептуальных онтологических метафор (например, «Хорошее вверху, а плохое внизу», «Чувства – нечто, имеющее температуру», и т. д. [19]), которые, несомненно, заслуживают дальнейшего изучения.

Концептуальные метафоры – это способ когнитивно-лингвистической сегментации действительности. Одни и те же когнитивные приёмы могут использоваться в разных слоях лексики японского языка. Мы показали примеры продуктивности когнитивных метафор как механизма создания П2ФК, однако те же самые когнитивные метафоры нередко являются ос-

новой метафорических сдвигов значения в исконно японских, а также в смешанных сложных словах. В устных и письменных стилях японского языка нередко встречается метонимический перенос значения концепта «рука» в различные сферы – обиходно-бытового или социально-делового общения, например: 先手 *сакитэ* – воен. «головной отряд, авангард»; 先手 *сэнтэ* – «первый ход» (в *го*, шахматах и т. п.), *перен.* «опережение»; 勝手 *каттэ* – «обстоятельства, условия»; «положение, порядки»; «собственное удобство»; «независимость»; *устар.* «кухня». Рассмотрим последний пример подробнее:

1) 勝手 *каттэ* – «собственное удобство»; «своеволие, произвол»; 勝 *кацу* – «побеждать»; 手 *тэ* – «рука». Концепт 勝 *кацу* обозначает победу или достижение, а 手 *тэ* – средство совершения действия. Концепт «рука» метонимически используется для обозначения средства или способа. Пример употребления: 勝手に入ってこないで。わたしのプライバシーを尊重してほしいわ *Каттэ ни хаиттэ конай дэ. Ватаси но пурайбаси: о сонтё: ситэ хосий ва* – «Не входи без разрешения. Я хочу, чтобы уважали моё личное пространство» [中納言].

Следующий пример сложного исконно японского слова относится к семантическому полю концептуальной метафоры «Живот –местилище эмоций»:

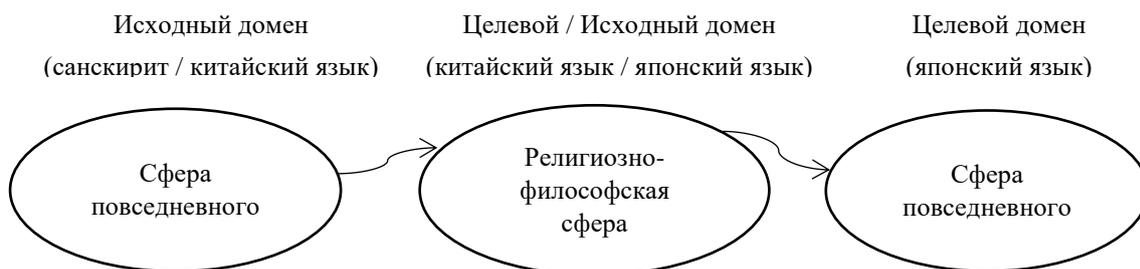
2) 腹黒 *харагуро* – «коварный, двуличный»; 腹 *хара* – «живот»; 黒 *куро* – «чёрный». Концепт 腹 *хара* метонимически указывает на внутренний мир человека, а 黒 *куро* символизирует тёмные, недобрые намерения. Концепт «живот» фигурирует здесь какместилище скрытых чувств или намерений (то, что человек «носит внутри»). Пример употребления: でも何だか腹黒い人になったわね、あの人 *Дэмо нан дака харагурой хито ни натта ва нэ, ано хито* – «Но что-то он стал каким-то коварным, не находишь?» [中納言].

Здесь перед нами исконно японское сложное слово, идиоматичность которого основывается на концептуальной метафоре «Живот –местилище эмоций».

В лексике современного японского языка имеет место симбиоз двух лингвокультур – исконно японской и протокитайской. Многие фразеологизмы, созданные китайским этносом, стали частью японской лингвокультуры. Некоторые из них были восприняты японской лингвокультурой в своём исходном значении, например: 満腹 *мампуку* – «удовлетворение», «сытость»; 蹉跌 *самэцу* – «падение», «неудача»; 虎穴 *кокэцу* – *кн.* «логово тигра». Другие пришли в японский язык как специальные термины, а затем получили новое дополнительное значение. При этом был осуществлён перенос значения из абстрактной сферы в более конкретную.

По словам Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [3, с. 10]. Нечто обратное происходит с рядом П2ФК, пришедших из китайской классической литературы, философии, дзэн-буддийских трактатов и ритуалов: «исходный домен» изначально принадлежит к сложным религиозным, философским, литературно-художественным идеям, а «целевой домен», как правило, относится к практике обыденного секулярного общения людей. Этот феномен является результатом взаимодействия лингвокультур. В этимологии многих подобных П2ФК можно выявить первоначальный перенос исходного значения слова из конкретной сферы в абстрактную в лингвокультуре возникновения фразеологизма, что происходило задолго до заимствования соответствующей лексемы японцами.

Идиоматизация – перенос значений (3)

Рассмотрим примеры:

① 因果 *инга* – буд. 1) «карма», «несчастливая судьба», 2) «несчастный», «кармический», 3) «причина и следствие»;

② 舍利 *сяри* – 1) буд. «мощи» (кристаллические образования, найденные в кремированных останках святого; *санскр.* śarīra); 2) «прах, пепел» (после кремации); 3) «рис для суши».

Первая лексема (因果), пришедшая в Японию как ключевое понятие буддийской кармической теории, стала употребляться в значении «причина и следствие»: ср. 因果關係 *инга-канкэй* – «причинно-следственные отношения». Изначальное значение в китайском языке 因 (*yīn*) – «причина, основа»; 果 (*guǒ*) – «плод (растения), результат».

Вторая лексема (舍利), связанная с буддийскими ритуалами кремации, стала использоваться для обозначений риса для *суши*, сдобренного уксусом и сахаром. Лексема восходит к санскритскому термину śarīra (शरीर), что буквально означает «тело», и до возникновения буддизма в санскрите это слово употреблялось в прямом значении «физическое тело».

Подобный переход религиозно-философской лексики в сферу языка повседневного общения характерен для некоторой части протокитайской лексики японского языка, и его механизмы и место в семантике японского языка подлежат отдельному изучению.

Мы показали, что метафоризация является одним из важных механизмов формирования и развития значений П2ФК современного японского языка. Концептуальные метафоры, отражающие связь между исходным и целевым доменами, не только способствуют структурированию значений, но и обеспечивают когнитивную доступность сложных понятий.

Концептуальные метафоры – «Сердце – эмоциональный центр», «Живот –местилище эмоций», «Рука – инструмент действия», «Нога – способ достижения цели», «Жизнь – это путь» – служат основой для формирования значительного числа фразеологизмов. А такие примеры, как 腐心 *фусин* – «ломать голову», 満腹 *мампуку* – «сытость, удовлетворение», 手段 *сюдан* – «средство» и 迷走 *мэйсо*: – «блуждание», иллюстрируют разнообразие целевых семантических полей переноса значений в процессе создания и идиоматизации П2ФК. Приведённые примеры представляют собой лишь небольшую часть объёмного корпуса японских фразеологизмов, восходящих к этим и другим метафорам, оставшимся за рамками нашей работы.

Метафоризация П2ФК японского языка может представлять собой как перенос конкретного обыденного опыта людей в абстрактную сферу (например, 蹉跌 *самэцу* – «ошибка, неудача»), так и обратный процесс метафорического переноса значений философских или религиозных терминов в сферу повседневного быта (например, *терм.* 舍利 *сяри* – «мощи», ставший средством обозначения риса для *суши*).

Как видим, метафоризация, основанная на эмпирическом опыте и культурных представлениях людей, является ключевым механизмом создания и сохранения П2ФК в японском языке. Процессы метафоризации языковых выражений способствуют формированию когнитивной картины мира, отражающей специфику японской лингвокультуры, а также её взаимодействие с китайской традицией.

1.2 Переинтерпретация значений *канго*

Массовая «переинтерпретация» исконного значения [2, с. 45] канго японского языка была предпринята японцами в эпоху Мэйдзи (1868–1912). В процессе модернизации японское общество осваивало достижения иудео-христианской цивилизации, используя в качестве орудия интерпретации понятий европейских языков вошедшие в обиход книжной речи китаизмы и создавая из китайских корней новые протокитайские слова, многие из которых были впоследствии приняты и китайцами. Было образовано не менее тысячи протокитайских лексических единиц [20], которые стали основой модернизированного общественно-политического и научно-философского общения, вошли во все дискурсы современной речевой коммуникации. При этом происходили семантические трансформации, подобные идиоматизации исходных протокитайских морфем. Приведём примеры:

- ① 恐竜 *кё:рю:* – *палеонт.* «динозавр» (恐 – «страшный», 竜 – «дракон»);
- ② 電気 *дэнки* – *физ.* «электричество» (電 – «молния», 氣 – «энергия», «дух»);
- ③ 原子 *гэнси* – *физ.* «атом» (原 – «источник», «основа», 子 – «дитя»);
- ④ 警察 *кэйсацу* – *общ.* «полиция» (警 – «предостерегать, охранять», 察 – «наблюдать, исследовать»);
- ⑤ 資本 *сихон* – *экон.* «капитал» (資 – «средства, ресурсы», 本 – «основа, корень»);
- ⑥ 経済 *кэйдзай* – *экон.* «экономика» (經 – *буд.* «сутра», «управлять», 濟 – «помогать», «приносить пользу»).

В каждом из примеров имеет место трансформация исходных значений одной или обеих протокитайских морфем. В первом примере (恐竜) для обозначения отсутствовавшего в японском словаре названия рептилии было применено калькирование двух греческих слов – δεινός (*deinos* – «страшный», «ужасный») и σαῦρος (*sauros* – «ящерица», «рептилия»). Если первое слово передаётся протокитайской морфемой (恐) точно, то для передачи значения второго была применена протокитайская морфема 竜 (龍), имевшая значение «дракон», то есть не реальное, а мифическое животное. Драконы в китайской и японской культурах, как известно, обычно ассоциируются с могуществом, силой и мистическими свойствами, что соответствовало представлениям о неизвестных японской науке динозаврах.

Во втором примере (電気) идея электричества передаётся сочетанием протокитайской морфемы со значением «молния» (電) и пришедшей из китайской философии морфемы 氣 со значениями «душа, характер, свойства характера»; «воля, психическая энергия, душевные силы». В третьем примере (原子 «атом») – сочетание морфем «основа, источник» (原) и «ребёнок» (子), позднее получившей также значение «частица».

В четвёртом примере (警察) идея гражданского управления – *πολιτεία* (*politeia*) – выражается сочетанием протокитайских корней: 警 – «предостерегать, охранять» и 察 – «наблюдать, исследовать». В последней паре примеров представлена интерпретация двух экономических по-

нятий. Идея капитала выражена сочетанием морфем 資 – «средства, ресурсы» и 本 – «основа, корень», а понятие «экономика» (經濟) – протокитайскими морфемами 經 – буд. «сутра», «управлять» и 濟 – «помогать», «приносить пользу», что довольно неточно передаёт исконные греческие этимоны – οἶκος (oikos) «дом», «домашнее хозяйство» и νόμος (nomos) «закон», «правило».

Как видим, в приведённых примерах происходит «переинтерпретация» значений протокитайских морфем. Метафоризация используется в создании многих терминов. Этот приём используется для ухода от протокитайской уникальности к универсальным понятиям формирующейся глобальной языковой культуры.

1.3 Символизм «подставленных» иероглифов (*атэдзи*)

В японском письменном языке существует культура «подставленных» иероглифов (*атэдзи*). Это метод использования иероглифической графики, возникший в Китае более 1000 лет назад. Он в первую очередь применялся для записи иностранных географических названий и имён собственных. Иероглифы обычно выбирались по принципу фонетического сходства с фиксируемым словом, иногда учитывались и семантические аспекты. Японские учёные и переводчики стали использовать *атэдзи* для записи иностранных терминов и имён ещё до реставрации Мэйдзи. Это было особенно важно для таких областей, как медицина, наука, философия и политика, где новые понятия требовали новой терминологии. Строго говоря, *атэдзи* подразделяются на три вида: 1) использование иероглифов как «фонетической транскрипции», фиксирующей при помощи звуковой оболочки иероглифов звучание иностранных слов; 2) нестандартное (произвольное и оригинальное) использование иероглифов для передачи смысла, например, для графической фиксации исконно японских или заимствованных слов обычно вне связи с их фонетическим обликом; 3) произвольные замены малоупотребимых (сложных для письма) иероглифов более простыми и употребимыми [14]. Рассмотрим подробнее первые два вида.

В эпоху Мэйдзи большое распространение имел первый вид *атэдзи*. Он активно использовался в процессе освоения японцами культуры Запада. Некоторые лексемы этого класса имеют отношение к П2ФК, например: 亜米利加合衆国 *Амэрика-гассю:коку* → 米国 *бэйко-ку* – «Соединённые Штаты Америки, США, Америка»; 阿蘭陀 *Оранда* – Голландия (*португ. Olanda; иначе 和蘭 Оранда*) → 蘭学 *рангагу* – *ист.* «голландские штудии» (изучение западных наук по голландским источникам в период Эдо). Эти примеры показывают, почему США в общественно-политическом дискурсе Японии нередко называется «Рисовой страной» (米国), а историзм «голландоведение» (蘭学) становится «наукой о хризантемах» (蘭 *ран* – «хризантема»). Дело в том, что фонетически использованные иероглифы не перестают быть идеографическими знаками. Например, слово «Россия» первоначально записывалось в средствах массовой коммуникации Японии как 魯西亜 *Росиа* → 魯国 *рококу* – «Россия». Однако, поскольку первый иероглиф (魯) мог иметь значение «глупый» (魯鈍 *на родонна* – «глупый, тупой, бестолковый»), МИД Российской империи якобы обратился к правительству Японии с нотой протеста, и иероглиф 魯 был постепенно заменён газетными издательствами на 露 *ро* – «роса», «капелька»: 露西亜 *Росиа* → 露国 *рококу* – «Россия» [15, с. 48].

Ко второй разновидности *атэдзи* относятся всевозможные случаи нестандартного смыслового использования иероглифов. Для нашей темы наиболее актуальны случаи графиче-

ческой фиксации при помощи двух иероглифов исконно японских или заимствованных слов. При этом создаётся дополнительный смысловой ряд, иллюстрирующий или даже интерпретирующий значение соответствующей лексемы при помощи значений иероглифических знаков. В результате закрепления в практике нестандартного использования иероглифов создаются устойчивые сочетания иероглифов (熟字), которые становятся дополнительными идеографическими маркерами соответствующих денотатов. При этом происходит идиоматизация сочетаний иероглифов. Приведём примеры:

- ① たび «носки» → 足袋 *таби* («нога» + «мешок»);
- ② えび «креветка» → 海老 *эби* («море» + «старый»);
- ③ おっと «муж» → 良人 *рё:дзин* («добрый» + «человек»);
- ④ おかみ «хозяйка» → 女将 *дзёсё:* («женщина» + «адмирал»);
- ⑤ タバコ «табак» → 煙草 *энсо:* («дым» + «травя») – букв. «дымная трава»;
- ⑥ ビール «пиво» → 麦酒 *бакусю* («пшеница» + «саке») – букв. «пшеничное саке»;
- ⑦ ウオッカ «водка» → 火酒 *касё* («огонь» + «саке») – «огненная вода»;
- ⑧ コーヒー «кофе» → 珈琲 *ко:хи:* (этимол. кит. 珈 *jiā* – «украшение для волос» + 琲 *fèi* – «жемчужные бусы»).

В первых трёх примерах представлены морфологически неделимые двухсложные слова японского языка. Для их фиксации на письме используются пары иероглифов, не связанные с фонетическим обликом обозначаемых на письме слов, но представляющие содержание последних в значении иероглифов. Первый пример (足袋) даёт наиболее простую и ясную интерпретацию значения исконно японского слова. Во втором примере (海老) сочетание концепта «море» с концептом «старый» на первый взгляд кажется неожиданным, но, по всей вероятности, концепт «старый» был призван передать скрученную форму креветки, мясо которой, по верованиям японцев, способствовало долголетию. Сегодня в Японии одним из компонентов новогоднего угощения *осэти-рё:ри* (お節料理) является варёная креветка, которую добавляют в блюдо с пожеланием долголетия, представленным образно как «дожить до таких лет, когда сторбишься подобно креветке».

В отличие от двух рассмотренных примеров иероглифическую графику третьего (良人) можно прочесть по *онному* чтению (*рё:дзин*), однако при этом мы получим значение «хороший человек», существенно отличающееся от исконного слова. В четвёртом примере (女将) исконно японское слово морфологически членимо: *оками* (*о* – префикс вежливости), однако структурные части не соотносятся со значением иероглифов по отдельности. Сочетание двух иероглифов даёт графическую интерпретацию целостного значения слова. Во всех примерах значения иероглифов дополняют значение фиксируемых ими японских слов, визуализируют значение средствами иероглифической графики. В примерах 5–7 подобным образом интерпретируется и визуализируется значение западных заимствований. А в последнем (восьмом) примере пришедшие из китайского языка иероглифы полностью утратили исконное значение, и мы имеем своего рода протокитайскую графическую идиому, нередко используемую в рекламе (См. Рис. 4). Имеются и другие графические идиомы, например, для графической

Рис. 4. Сеть кофеен Камисима в Японии

фиксации популярного японского блюда из сырой рыбы – *суши* (寿司) – используется сочетание иероглифов со значением «долголетие» (寿 *котобуки*) и «начальник» (司 *цукаса*).

Мы рассмотрели некоторые аспекты идиоматизации протокитайской лексики, связанные с практикой «подставленных» иероглифов – атэдзи. В некоторых случаях в результате иероглифической записи исконно японской и заимствованной лексики возникали устойчивые сочетания иероглифов, семантическая интерпретация исходных лексем значительно усложнялась. Изначально за этим языковым явлением, по всей вероятности, стояло стремление грамотного населения Японии к протокитайской эlegantности языка. Китаизмы были стилистически выше, чем исконно японская лексика, поэтому у создателей письменной речи проявлялось стремление ввести исконно японскую лексику в систему иероглифической графики. В этом также можно увидеть языковое творчество японского народа, многие столетия жившего в мире иероглифической языковой культуры.

В двух следующих разделах этой статьи мы рассмотрим структурные особенности П2ФК, а также их функционально-семантические классы, то есть соотносённость П2ФК с категорией частей речи современного японского языка.

2. Структурные типы П2ФК

Двухкомпонентные *канго* современного японского языка подразделяются на следующие пять основных структурных типов, приведённые в Таблице 1 (подробнее см. [6, с. 51–53]).

Таблица 1

Структурная классификация двухсимвольных (двухкомпонентных) *канго* современного японского языка

№	Тип структурной модели	Примеры китаизмов японского языка
1.	Атрибутивная модель (первый компонент <i>канго</i> является определением ко второму)	和食 <i>васёку</i> – «японская еда», 海岸 <i>кайган</i> – «морское побережье», 動物 <i>до:буцу</i> – «животные», 漢字 <i>кандзи</i> – «китайские иероглифы», 園芸 <i>энгэй</i> – «садоводство», 新聞 <i>симбун</i> – «газета», 漢才 <i>кансай</i> – кн. «китайская учёность», 真言 <i>сингон</i> – буд. «мантра», 出口 <i>дэгути</i> – «выход»
2.	Копулятивная модель (сочинительная связь; компоненты <i>канго</i> сопологаются, находясь в равноправных отношениях)	男女 <i>дандзё</i> – «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> – «противоречие», 可否 <i>кахи</i> – «за и против (голоса, доводы и т. п.)», 上下 <i>дзё:гэ</i> «верх и низ», 善惡 <i>дзэнъаку</i> – «добро и зло», 老若 <i>ро:няку</i> – «старые и молодые», 鬪争 <i>то:со:</i> – «бороться» и «борьба», 生活 <i>сэйкацу</i> – «жить» и «жизнь»
3.	Глагольно-объектная модель (процессуальный компонент имеет прямое или косвенное дополнение, возможна конверсионная номинализация) 1) «действие – объект» (по грамматике <i>вэньяня</i>); 2) «объект – действие» (по грамматике японского языка)	1) 帰国 <i>кикоку</i> – «вернуться на родину» и «возвращение на родину», 増税 <i>дзо:дзэй</i> – «увеличивать налоги» и «увеличение налогов», 服務 <i>фукуму</i> – «выполнять служебные обязанности» и «выполнение служебных обязанностей», 育児 <i>икудзи</i> – «воспитывать детей» и «воспитание детей» 2) 心配 <i>симпай</i> – «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> – «сочинять стихи» и «сочинение стихов», 算出 <i>сансюцу</i> – «вычислять» и «вычисление»
4.	«Результативная» модель (первый компонент <i>канго</i>)	改良 <i>кайрё:</i> – «улучшать» и «улучшение», 減少 <i>гэнсё:</i> – «сокращаться» и «сокращение», 説明 <i>сэцумэй</i> – «объяснять» и «объясне-

	обозначает действие, а второй – его результат)	ние», 革新 <i>какусин</i> – «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> – «усовершенствовать» и «усовершенствование»
5.	Субъектно-предикатная модель (компоненты <i>канго</i> соотносятся как субъект и предикат)	地震 <i>дзисин</i> – букв. «земля трясётся», 頭痛 <i>дзюцу</i> : – букв. «голова болит», 民主 <i>минсю</i> – букв. «народ – господин», 時短 (営業) <i>дзитан (эйгэ:)</i> – букв. «время короткое», т. е. (работа по) сокращённому графику (в период пандемии коронавируса)»

Поскольку П2ФК – органическая часть лексической системы современного японского языка, все вышеописанные разновидности структурных композиций *канго* можно обнаружить и в двухкомпонентных протокитайских фразеологизмах.

1. Атрибутивная модель:

① 家内 *канай* – «жена»; 家 *ка* – «дом», 内 *най* – «внутри»; грамматически 家 *ка* – определение, 内 *най* – определяемое;

② 豚兒 *тондзи* – «мой недостойный сын»; 豚 *тон* – «свинья», 兒 *дзи* – «ребёнок»; грамматически 豚 *тон* – определение, 兒 *дзи* – определяемое;

③ 英断 *эйдан* – «смелое решение», «решительность»; 英 *эй* – «выдающийся, героический», 断 *дан* – «решение, решимость»; грамматически 英 *эй* – определение, 断 *дан* – определяемое;

④ 達觀 *таккан* – «проницательность; «ясное представление о чём-л.»; «дальновидность»; 達 *тацу* – «достигать, достигший», 觀 *кан* – «взгляд, наблюдение»; грамматически 達 *тацу* – определение, 觀 *кан* – определяемое;

⑤ 佳境 *какё:* – «(самое) интересное место», «кульминация»; 佳 *ка* – «прекрасный, превосходный», 境 *кё:* – «граница, грань», «пределы»; грамматически 佳 *ка* – определение, 境 *кё:* – определяемое;

⑥ 腐心 *фусин* – «усилия, старания»; 腐 *фу* – «гнить, портиться», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 腐 *фу* – определение, 心 *син* – определяемое;

⑦ 詭弁 *кибэн* – «софистика»; 詭 *ки* – «обман, хитрость», 弁 *бэн* – «речь, аргумент»; грамматически 詭 *ки* – определение, 弁 *бэн* – определяемое.

2. Копулятивная модель:

① 矛盾 *мудзюн* – «противоречие»; 矛 *му* – «копье», 盾 *дзюн* – «щит»; грамматически это копулятивное (сочинительное) словосочетание двух имён;

② 新銳 *синъэй* – «новатор, новейший, острый»; 新 *син* – «новый», 銳 *эй* – «острый, резкий»; грамматически – сочинительная связь двух качественных определений – 新 (*син*) и 銳 (*эй*);

③ 僭越 *сэнъэцу* – «превышение полномочий», «дерзость»; 僭 *сэн* – «присваивать, узурпировать», 越 *эцу* – «выходить за пределы»; грамматически – сочинительная связь двух глагольных предикатов – 僭 (*сэн*) и 越 (*эцу*);

④ 營々 *эйэй* – «усердие, прилежание»; 營 *эй* – «управлять, трудиться»; грамматически это копулятивная связь двух равноправных компонентов – 營 *эй* в составе двухморфемного *канго* (словообразовательная редупликация);

⑤ 訥々 *тоцутоцу* – «медленно, запинаясь, неуверенно»; 訥 *тоцу* – «медлительность, неуклюжесть»; грамматически здесь копулятивная связь двух равноправных компонентов – 訥 (*тоцу*) в составе двухморфемного *канго* (словообразовательная редупликация).

3. Глагольно-объектная модель:

① 放胆 *хо:тан* – «смелость, решительность»; 放 *хо:* – «отпускать, освобождать», 胆 *тан* – «печень»; грамматически 放 *хо:* обозначает действие, 胆 *тан* – объект действия (прямое дополнение);

② 断腸 *дантё:* – «душераздирающий, мучительный»; 断 *дан* – «разрывать, ломать», 腸 *тё:* – «кишки, внутренности»; грамматически 断 *дан* – предикат, 腸 *тё:* – объект (прямое дополнение);

③ 出色 *сюссёку* – «выдающийся, превосходный»; 出 *сюцу* – «выходить», «выпускать», 色 *сёку* – «цвет»; грамматически 出 *сюцу* – действие, 色 *сёку* – объект (прямое дополнение);

④ 散華 *сангэ* – «почётная смерть, уход из жизни в согласии с учением Будды»; 散 *сан* – «рассыпаться, разлетаться, распадаться», 華 *гэ* – «цветы (как символ прекрасного)»; грамматически 散 *сан* – предикат, 華 *гэ* – объект;

⑤ 心配 *симпай* – «беспокойство»; 心 *син* – «сердце», 配 *хай* – «распределение, распределять»; грамматически 心 *син* – объект, 配 *хай* – предикат;

⑥ 玉碎 *гёкусай* – «почётная (героическая) смерть»; 玉 *гёку* – «драгоценный камень», 碎 *сай* – «разрушение, гибель»; грамматически 玉 *гёку* – объект, 碎 *сай* – предикат.

4. Результативная модель и иные вариации последовательных действий¹:

① 蹉跌 *самэцу* – «неудача, провал»; 蹉 *са* – «спотыкаться», 跌 *тэцу* – «падать»; грамматически 蹉 *са* и 跌 *тэцу* – два сопологающихся предиката; второе действие является результатом первого;

② 承服 *сё:фуку* – «согласие, принятие»; 承 *сё:* – «принимать к сведению, быть осведомлённым», 服 *фуку* – «подчиняться»; грамматически здесь соположение двух предикатов: второе действие обусловлено первым;

③ 透徹 *то:тэцу* – «проницательность, ясность»; 透 *то:* – «проникать, проходить», 徹 *тэцу* – «доходить до конца»; грамматически это соположение двух предикатов; 透 *то:* обозначает действие, 徹 *тэцу* – его предельность;

④ 敷衍 *фуэн* – «распространение, разъяснение»; 敷 *фу* – «расстилать, расширять», 衍 *эн* – «распространять, развивать»; грамматически это соположение двух предикатов: 敷 *фу* обозначает действие, 衍 *эн* – продолжение и развитие первого действия;

⑤ 寄進 *кисин* – «дарение»; 寄 *ки* – «приближаться, приносить», 進 *син* – «продвигать, даровать»; грамматически 寄 *ки* и 進 *син* – два глагольных предиката, обозначающие последовательные действия.

¹ В ходе анализа примеров выяснилось, что результативная модель соединения глагольных компонентов ФПК является частным случаем более широкой категории последовательных действий, например: 回顧 *кайко* – «воспоминание»; 回 *кай* – «возвращаться», 顧 *ко* – «оглядываться, оборачиваться назад»; грамматически 回 *кай* и 顧 *ко* – два предиката, обозначающие последовательные действия. Вопрос требует дополнительного изучения.

5. Субъектно-предикатная модель:

① 尊大 *сондай* – «высокомерие, надменность»; 尊 *сон* – «почитание, уважение», 大 *дай* – «великий, большой»; грамматически 尊 *сон* – субъект, 大 *дай* – предикат (尊が大 → 自尊が大きい – «самолюбие большое»);

② 夭折 *э:сэцу* – «преждевременная смерть»; 夭 *э:* – «молодой, цветущий», 折 *сэцу* – «ломаться, прерываться»; грамматически 夭 *э:* – объект, 折 *сэцу* – предикат;

③ 知悉 *тисицу* – «полное знание, осведомлённость»; 知 *ти* – «знать», 悉 *сицу* – «всё, полностью»; грамматически 知 *ти* – субъект, 悉 *сицу* – предикат;

④ 漫然 *мандзэн* – «рассеянность»; 漫 *ман* – «бесцельный, расплывчатый», 然 *дзэн* – «такой, подобный»; грамматически 漫 *ман* – субъект, 然 *дзэн* – предикат;

⑤ 靈妙 *рэймё:* – «чудесный, мистический»; 靈 *рэй* – «дух, душа», 妙 *мё:* – «прекрасный, удивительный»; грамматически 靈 *рэй* – субъект, 妙 *мё:* – предикат.

3. Функционально-семантические классы П2ФК

П2ФК японского языка по своим функционально-семантическим параметрам подразделяются на следующие четыре грамматических категории, которые для наглядности представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Функционально-семантические классы (части речи) двухсимвольных протокитайских фразеологизмов современного японского языка

№	Функционально-семантические классы <i>канго</i> (части речи)	Подклассы <i>канго</i> и примеры П2ФК
1.	Именные П2ФК. Обычно используются в синтаксических позициях имён существительных, некоторые вербализируются, принимая <i>суру</i> , адъективируются, получая парадигму именных прилагательных (-на, -ни, дэ ару)	<p>a. Атрибутивные: 強記 <i>кё:ки</i> – «хорошая память», «способность к запоминанию»; 英断 <i>эйдан</i> – «смелое решение», «решительность», 機知 <i>кити</i> – «находчивость, остроумие»; 佳境 <i>какё:</i> – «кульминация»;</p> <p>b. Копулятивные: 可否 <i>кахи:</i> – «за и против (<i>голоса, доводы и т. п.</i>)»; 矛盾 <i>мудзюн</i> – «противоречие»</p>
2.	Глагольные П2ФК. Могут быть предикативным компонентом высказывания, обычно принимают вербализатор <i>суру</i> , могут быть номинализированы, образуя конверсионные именные омонимы глагольных китаизмов	<p>a. Процессуально-объектные: 切腹 <i>сэппуку</i> – «делать харакири» и «харакири»; 立腹 <i>риппуку</i> – «злиться» и «злость»;</p> <p>b. Объектно-процессуальные: 心配 <i>симпай</i> – «беспокоиться» и «беспокойство»;</p> <p>c. Копулятивные: 顧慮 <i>корё</i> – «беспокоиться» и «беспокойство, опасение»; 恐悦 (<i>кё:эцу</i>) – «бояться» и «радоваться» → «ужасно обрадоваться» и «великая радость»;</p> <p>d. «Результативные»: 看破 <i>кампа</i> – «быть проницательным, прозорливым» и «проницательность, прозорливость»; 革新 <i>какусин</i> – «обновлять» и «обновление»; 突破 <i>топпа</i> – «прорывать», «преодолевать» и «прорыв, преодоление»</p>
3.	Адъективные П2ФК. Не могут быть вербализированы, не принимают <i>суру</i>	冗長 (<i>な</i>) <i>дзё:тё:</i> (-на) – «многословный»; 輕妙 (<i>な</i>) <i>кэймё:</i> (-на) – «лёгкий и изящный»; 放漫 (<i>な</i>) <i>хо:ман</i> (-на) – «распущенный, безответственный»

4.	Адвербиальные П2ФК. Не могут быть вербализованы, не принимают <i>суру</i>	泰然 (と) <i>тайдзэн (-то)</i> – кн. «спокойно; невозмутимо, уверенно»; 訥々 (と) <i>тоцутцу (-то)</i> – «медленно», «запинаясь», «нерешительно», «неуверенно»; 飄逸 (と) <i>хэ:ицу (-то)</i> – «изящно», «непринуждённо», «легко»
----	---	---

П2ФК не являются исключением в общей массе китаизмов японского языка. Они могут занимать различные синтаксические позиции в соответствии со своими имманентными свойствами. За многие годы синтаксическая система японского языка наделила протокитайскую лексику грамматическими категориями, которые изначально отсутствовали в *вэньяне*, откуда эта лексика пришла в японский язык. Однако во многих случаях характерная для *вэньяня* функционально-семантическая транзитивность протокитайской лексики, то есть способность одной и той же генетически лексемы функционировать в качестве разных частей речи, всё еще сохраняется.

3.1 Именные П2ФК

У каждого функционально-семантического класса протокитайской лексики японского языка есть центр – китаизмы, функционирующие исключительно в рамках данного класса лексики, и периферия – *канго*, представленные в виде омонимов, относящихся к разным частям речи протокитайских лексем. Например, следующие именные П2ФК функционируют исключительно в функции имён существительных:

- 1) 佳境 *какё:* – «наилучшее состояние, кульминация»; 佳 *ка* – «прекрасный», 境 *кё:* – «граница», «край, предел»; грамматически 佳 *ка* – определение, 境 *кё:* – определяемое;
- 2) 機知 *кити* – «находчивость, остроумие»; 機 *ки* – «механизм, момент», 知 *ти* – «знание, понимание»; грамматически 機 *ки* – определение, 知 *ти* – определяемое;
- 3) 英斷 *эйдан* – «смелое решение; решительные шаги; решительность»; 英 *эй* – «выдающийся, храбрый», 斷 *дан* – «прерывать», «суждение»; грамматически 英 *эй* – определение, 斷 *дан* – определяемое;
- 4) 英知 *эйти* – «глубокая мудрость, выдающийся ум»; 英 *эй* – «выдающийся, храбрый», 知 (*ти*) – «знание, понимание»; грамматически 英 *эй* – определение, 知 *ти* – определяемое;
- 5) 傀儡 *кайрай* – «марионетка»; 傀 *кай* – «гигант, монстр», 儡 *рай* – «кукла»; грамматически 傀 *кай* – определение, 儡 *рай* – определяемое;
- 6) 呵責 *касяку* – «упрёк, осуждение»; 呵 *ка* – «ругать, осуждать», 責 *сяку* – «ответственность, вина»; грамматически 呵 *ка* – определение, 責 *сяку* – определяемое.

Некоторые именные П2ФК могут иметь омонимы, относящиеся к другим частям речи. Приведём примеры:

- 1) 矛盾 *мудзюн* – «противоречие»; 矛 *му* – «копьё», 盾 *дзюн* – «щит»; грамматически это копулятивное (сочинительное) словосочетание.

Будучи именным копулятивным сочетанием протокитайских слов, 矛盾 стоит в ряду других имён существительных японского языка, имеющих аналогичную структуру, например, 男女 *дандзё* – «мужчины и женщины», 父母 *фубо* – «отец и мать», 兄弟 *кё:дай* – «братья», 姉妹 *симай* – «сёстры», 昼夜 *тю:я* – «день и ночь», 天地 *тэнти* – «небо и земля», 南北 *намбоку* – «юг и север», 年齡 *нэнрэй* – «возраст» и т. д. Однако, в отличие от всей этой и подобной

лексики, неспособной вербализоваться, существительное 矛盾 вербализуется, присоединяя суру, и в некоторых случаях может становиться омонимом соответствующего имени существительного, например:

つまり、資本主義経済は互いに矛盾した二つの傾向を生み出す *Цумари, сихонсюги кэйдзай ва тагаи ни мудзюн сита футацу но кэйко: о умидасу* – «Иными словами, капиталистическая экономика порождает два взаимно противоречащих друг другу тренда» [中納言];

すべてこれらの矛盾した解釈は三角形の形をしています *Субэтэ корэра но мудзюн сита кайсяку ва санкаккэй но катати о ситэ имас* – «Все эти противоречивые интерпретации имеют форму треугольника» [中納言];

個人間の関係においては、各人の有する自由と平等の権利自体が具体的な場合に相互に矛盾、対立する可能性がある *Кодзинкан но канкэй ни оитэ ва, какудзин но ю:суру дзю: то бё:до: но кэнри дзитай га гутайтэкина баай ни со:го ни мудзюн, тайрицу суру кано:сэй га ару* – «В межличностных отношениях права каждого человека на свободу и равенство могут в конкретных ситуациях вступать в противоречие и конфликтовать друг с другом» [Составлено носителем языка].

В примерах 1 и 2 вербализатор суру объективирует глагольные свойства рассматриваемого П2ФК, в третьем примере представлен глагольный омоним именной формы рассматриваемой протокитайской лексемы. Глагольные формы могут иметь и два следующих синонимичных именных П2ФК: 苦心 *кусин* – «усердие, старания», «напряжённая работа» и 腐心 *фусин* – «усилия, старания»¹. Приведём примеры:

2) 苦心 *кусин* – букв. «страдающее сердце» → «усердие, старания»; 苦 *ку* – «трудность, страдание», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 苦 *ку* – определение, 心 *син* – определяемое.

苦心の作がようやく完成した *Кусин но саку га ё:яку кансэй сита* – «Наконец-то завершена работа, над которой (я) долго трудился» [ChatGPT]²;

彼女は苦心の末、見事な絵を描きあげた *Канодзё ва кусин но суэ, миготона э о какиагэта* – **Благодаря своим стараниям** она нарисовала прекрасную картину» [Составлено носителем языка];

苦心に苦心を重ねて練り上げたプロジェクトが成功した *Кусин ни кусин о касанэтэ нэриагэта пуродзэкуто га сэйко: сита* – «Проект, над которым **упорно трудились** и тщательно дорабатывали, увенчался успехом» [Составлено носителем языка];

...その汚名を返上するために苦心している *Соно омэй о хэндзё: суру тамэ ни кусин ситэ иру* – «(Он) **прилагает все усилия** для того, чтобы смыть это позорное клеймо» [ChatGPT];

最後の真剣勝負の場面も苦心しました *Сайго но синкэн-сё:бу но бамэн мо кусин сима-сита* – «Последняя сцена решающей схватки тоже **далась с большим трудом**» [中納言].

¹ В русском переводе не отразилось, но 苦心 (くしん) – это слово с более общим значением – «усилия», «старания», «напряжённая работа»; «приложение большого труда». Оно обычно имеет нейтральную или даже положительную коннотацию. 腐心 (ふしん) же – более эмоционально насыщенное слово, оно передаёт идею тревоги, внутреннего беспокойства, нервного напряжения при решении какой-то проблемы. 腐心 имплицитно передаёт ситуацию, когда человек «ломает голову», «переживает» из-за чего-то, и это может происходить в течение длительного времени.

² Все примеры, составленные искусственным интеллектом, проверены носителями языка.

Эти примеры иллюстрируют функционирование в японском языке протокитайской лексемы 苦心 и её глагольной версии, являющейся дериватом имени существительного. Первые три примера показывают обычное (исходное) именное использование слова 苦心, а примеры ④ и ⑤ отражают речевое функционирование глагольной реализации протокитайской лексемы 苦心, генетически связанной с именем существительным 苦心. В базе письменного японского языка «Гюнагон» из 315 случаев использования слова 苦心 вербальных форм чуть более трети, то есть именная форма является основной.

3) 腐心 *фусин* – «душевная боль» → «усилия и старания, вызванные глубокой озабоченностью»; 腐 *фу* – «гнить, разлагаться», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 腐 *фу* – определение, 心 *син* – определяемое.

…朝廷の腐心のさまを読みとれよう *Тё:тэй но фусин но сама о ёмиторэё:* – «Представьте себе, как сильно двор ломал голову (над этой проблемой)» [中納言];

その都度この美味しい必需品を確保するのに一家は腐心した *Соно цудо коно оисий хицудзюхин о какухо суру но ни икка ва фусин сита* – «Каждый раз семья **прилагала невероятные усилия**, чтобы обеспечить себя этим вкусным необходимым продуктом» [ChatGPT];

作家は新しい作品のアイデアに腐心している *Сакка ва атарасий сакухин но айдэа ни фусин ситэ иру* – «Писатель **ломает голову** над идеей для нового произведения» [ChatGPT];

この問題を解決するために、何ヶ月も腐心してきた *Коно мондай о кайкэцу суру тамэ ни, нанкагэцу мо фусин ситэ кита* – «Я **ломал голову** над решением этой проблемы несколько месяцев» [ChatGPT].

Только в первом примере П2ФК 腐心 используется как имя существительное. Примеры 2–4 показывают функционирование глагольной формы соответствующей протокитайской лексемы. Дело в том, что из 91-го примера употребления слова 腐心 в письменных текстах корпуса *Гюнагон* [18] именных форм обнаружилось только три, что, вероятно, говорит о том, что основной формой функционирования этого слова является глагольная.

Иную траекторию развития именного П2ФК мы наблюдаем в следующих примерах:

4) 無為 *муи* – букв. «бездействие»; *филос.* «недеяние» (*термин трактата Лаоцзы*); 無 *му* – «отсутствие», 為 *и* – «действие, поступок»; грамматически – отрицание наличия опредмеченного действия. 無為 – многозначное слово, которое может обозначать как философскую концепцию «недеяния» и гармонии с природой, так и обычные бездействие или пассивность. В японском языке оно часто используется в литературных, философских, а иногда и в бытовых контекстах. Лексема 無為 *муи* может иметь разные коннотации в зависимости от контекста, но основное её значение – «ничегонеделание», «бездействие», «естественность». Она часто используется в философских или литературных контекстах, особенно в даосизме, где выражает идею «недеяния», то есть существования человека в соответствии с естественным ходом вещей, без вмешательства и принуждения (*Рис. 5*).

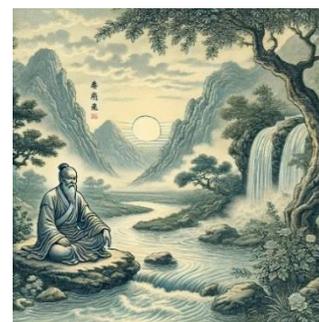

Рис. 5. 無為

Основные значения:

1. Бездействие, отсутствие действий – слово 無為 может описывать состояние или поведение, при котором человек ничего не делает или намеренно избегает активности.

2. Естественность – в философском контексте, особенно в даосизме, 無為 описывает идею «недеяния» как высшую форму мудрости, где действия совершаются спонтанно, в гармонии с природой, без искусственного вмешательства.

3. Пассивность – в более обыденном смысле слово может выражать пассивное поведение, когда кто-то не предпринимает никаких усилий для изменения ситуации.

Лексема 無為 чаще всего используется как имя существительное, например: 無為の生活 *муи но сэйкацу* – «жизнь в бездействии»; 無為の境地 *муи но кё:ти* – «состояние недеяния (высшая форма естественного существования)»¹. Эпизодически используется в качестве приакцидентного определения 無為に時間を過ごす *Муи ни дзикан о сугосу* – «Проводить время в бездействии». Рассмотрим ещё несколько примеров:

① 無為の生活を送るのではなく、何か目的を見つけよう *Муи но сэйкацу о окуру но дэ ва нау, нани ка мокутэки о мицукэё*: – «Вместо того, чтобы вести праздную жизнь, давай найдём какую-нибудь цель» [ChatGPT];

② あなたは平和の無為に退屈している *Аната ва хэйва но муи ни тайкуцу ситэ иру* – «Ты в мирное время скучаешь от бездействия» [Составлено носителем языка];

③ 無為の日々が続いていたが、ようやく行動を起こす時が来た *Муи но хиби га цудзуйтэ ита га, ё:яку ко:до: о окосу токи га кита* – «Дни бездействия продолжались, но наконец настало время действовать» [Составлено носителем языка];

④ 無為な死を迎えることだけは絶対に受け入れられない *Муина си о мукаэру кото дакэ ва дзэттай ни укэйрэрэрэнэй* – «Я ни за что не смогу принять только одно – встречу бессмысленной смерти» [中納言];

⑤ 彼は無為に時間を過ごしている *Карэ ва муи ни дзикан о сугоситэ иру* – «Он проводит время в бездействии» [ChatGPT];

⑥ ...決して自失無為であったことはない *Кэсситэ дзисицу-муи дэ атта кото ва най* – «(Он) никогда не пребывал в состоянии потерянности и бездействия» [中納言].

Параллельно с именем существительным 無為 (*муи*) – «бездействие» (примеры 1–3) в примерах 4–6 используется адъективная версия лексемы 無為 с полной парадигмой полупредикативного (именного) прилагательного, по всей вероятности, являющегося дериватом вышеописанного именного П2ФК.

Как видим, именные П2ФК обычно используются в синтаксических позициях имён существительных, однако некоторые именные лексемы вербализируются, принимая *суру*, или же адъективируются, получая парадигму именных прилагательных (*-на, -ни, дэ ару*); эпизодически адвербиализируются, выступая в качестве приакцидентных определений.

3.2 Глагольные (вербальные) П2ФК

У глагольных П2ФК основной (исходной) формой является вербальная. Именная форма реализации обычно представляет собой дериват глагольной. Предикативность глагольных компонентов П2ФК, а также субъектно-предикатная связь внутри П2ФК являются имманентными источниками вербальности. Строго говоря, глагольный формант *суру* только объек-

¹ В философском смысле (даосизм) используется в П4ФК: 無為自然 *муи-сидзэн* – «недеяние и естественность (существование в гармонии с природным ходом вещей)».

тививирует имманентную вербальность выражения, которое, в соответствии с грамматикой *вэнья*, может также субстантивироваться и представлять в виде именной версии (реализации) соответствующей базовой вербальной лексемы. Приведём несколько примеров:

1) 看破 *кампа* – «разгадывать (*хитрость и т. п.*)»; «проникать (*в замыслы*)»; *обр.* «видеть насквозь»; «проницательность, прозорливость»; 看 *кан* – «смотреть, наблюдать», 破 *ха* – «разбивать, раскрывать»; грамматически соположение двух предикатов («результативная» модель) – 看 (*кан*) и 破 (*ха*). 看破 (*кампа*) часто используется для описания действий, связанных с проницательностью людей, когда кто-то понимает суть происходящего, несмотря на сложные иллюзии или обман. 看破 передаёт идею глубокого понимания или способности видеть скрытые мотивы и факты, делая акцент на проницательности и умении анализировать. В более абстрактной речи 看破 также может указывать на способность человека осознать истинную природу вещей.

Примеры глагольного употребления:

① 彼はすぐに相手の本心を看破した *Карэ ва сугу ни айтэ но хонсин о кампа сита* – «Он сразу же понял истинные намерения своего оппонента» [ChatGPT];

② 眞実を看破するには、鋭い観察力が必要だ *Синдзицу о кампа суру ни ва, сурудой кансацурёку га хицуё: да* – «Чтобы раскрыть истину, нужна острая наблюдательность» [ChatGPT];

③ 彼女の笑顔の裏に隠された感情を看破した *Канодзё но эгао но ура ни какусарэта кандзё: о кампа сита* – «Он сумел понять чувства, скрытые за её улыбкой» [ChatGPT].

Примеры именного употребления:

① 敵手看破の基本まで取り上げた幅広い問題に、これだけの成績を上げたのはりっぱです *Тэкисю кампа но кихон мадэ ториагэта хабахирой мондай ни, корэ дакэ но сэйсэки о агэта но ва риппа дэс* – «Достичь таких результатов в решении широкого круга вопросов, включая основы распознавания замыслов противника, – это впечатляюще» [中納言];

② 彼の看破力によって、その計画の欠陥が明らかになった *Карэ но кампарёку ни ёттэ, соно кэйкаку но кэккан га акирака ни натта* – «Благодаря силе его проницательности недостатки этого плана стали очевидны» [Составлено носителем языка].

Корпус «Гюнагон» показывает примерно равное распространение именных и глагольных форм протокитайской лексемы 看破; в сетевом словаре *Weblio* [11] приводятся исключительно вербальные примеры.

2) 懐柔 *кайдзю:* – *букв.* «обнимая, смягчить и успокоить»; «умиротворение»; 懐 *кай* – «обнимать, лелеять», 柔 *дзю:* – «гибкий»; «успокоить»; грамматически соположение двух предикатов «результативной» модели 懐 *кай* – «обнимать» и 柔 *дзю:* – «усмирять, успокаивать». Слово 懐柔 (*кайдзю:*) часто употребляется в контексте дипломатии, политики или управления, когда речь идёт о том, чтобы с помощью уступок, лести или других тонких приёмов убедить кого-то и склонить на свою сторону. Этот П2ФК передаёт идею мягкого воздействия на оппонента или группу лиц для достижения собственных целей без применения силы. Приведём примеры:

① 政府は反対勢力を懐柔しようとしている *Сэйфу ва хантай сэйрёку о кайдзю: сиё: то ситэ иру* – «Правительство пытается умиротворить оппозиционные силы» [ChatGPT];

② 新しいリーダーは、部下を懐柔して支持を得た *Атарасий ри:да: ва, бука о кайдзю: ситэ сидзи о эта* – «Новый лидер, умиротворяя подчинённых, заручился их поддержкой» [ChatGPT];

③ 家康は内紛を抱えていた毛利一族を懐柔、大切な局面で小早川秀秋の「裏切り」を仕組んでいた *Иэясу ва найфун о какаэтэ ита Мо:ри-итидзоку о кайдзю:, тайсэцуна кёкумэн дэ Кобаякава Хидэаки но "урагири" о сикундэ ита* – «Иэясу умиротворил клан Мори, который был охвачен внутренними распрями, и в решительный момент организовал «предательство» Кобаякава Хидэаки» [中納言];

④ 彼の懐柔策が成功した *Карэ но кайдзю:саку га сэйко: сита* – «Его стратегия умиротворения оказалась успешной» [Составлено носителем языка];

⑤ 懐柔的な贈り物または賄賂を与える *Кайдзю:тэкина окуримоно мата ва вайро о атаэру* – «Давать подарки умиротворяющего характера или давать взятки» [Weblio].

В первых трёх примерах перед нами глагольная реализация лексемы 懐柔. Отсутствие форманта *суру* в третьем примере никак не умаляет вербальных свойств, присущих вербальной версии П2ФК имманентно. В последних двух примерах (4, 5) в качестве словообразовательного элемента (П3ФК и относительного прилагательного) используется именная версия исходной (базовой) глагольной лексемы.

3) 私淑 *сисюку* – «почитание, следование чьим-то учениям»; 私 *си* – «частный, личный», 淑 *сюку* – «следовать»; «благородный». Грамматически 私 *си* – субъект, 淑 *сюку* – предикат. 私淑する имеет значение «быть чьим-л. поклонником, преклоняться перед кем-л.; идти по стопам кого-л., подражать кому-л.». 私淑 обычно употребляется, когда кто-то восхищается другим человеком (учёным, писателем, философом и т. п.) и перенимает его идеи, методы или стиль, даже если не учился у него непосредственно. Часто используется для выражения отношения к историческим личностям или знаменитым людям, чьи идеи или стиль поведения изучаются через их работы. Приведём примеры:

① 彼は孔子の思想に私淑している *Карэ ва Ко:си но сисо: ни сисюку ситэ иру* – «Он является почитателем учения Конфуция» [ChatGPT];

② 彼女はこの作家に私淑し、彼のスタイルを模倣している *Канодзё ва коно сакка ни сисюку си, карэ но сутаиру о мохо: ситэ иру* – «Она почитает этого писателя и подражает его стилю» [ChatGPT];

③ 彼の私淑の対象は歴史上の偉大な人物だった *Карэ но сисюку но тайсё: ва рэки-сидзё: но идайна дзинбуцу датта* – «Объектом его почитания был великий исторический деятель» [ChatGPT];

④ 私淑の念を抱き続けていた *Сисюку но нэн о идакишудзукэтэ ита* – «(Он) продолжал испытывать чувство почтения» [ChatGPT].

4) 鞭撻 *бэнтацу* – «наставление, подбадривание»; 鞭 *бэн* – «хлыст, кнут», 撻 *тацу* – «ударять, подгонять»; грамматически это объектно-предикатная конструкция: 鞭 *бэн* – орудие действия, 撻 *тацу* – предикат¹. Слово 鞭撻 обычно употребляется в контексте строгого

¹ Здесь речь идёт не о логических категориях, а о грамматических: Nは鞭で撻 Nはむちでうつ) «(Некто) кнутом ударяет».

наставления, подбадривания или поддержки с целью побудить кого-то к действию. Приведём примеры:

① 部下を鞭撻して事務をはかどらせよう *Бука о бэнтацу ситэ дзиму о хакадорасэё*: «Давайте оптимизировать работу в офисе, подстёгивая подчинённых» [Weblio];

② 人は鞭撻されて働く *Хито ва бэнтацу сарэтэ хатарку* – «Люди работают, когда их подстёгивают» [Weblio];

③ このプロジェクトが無事に完成したのは、〇〇部長のご鞭撻のおかげです *Коно пуродзэкуто га будзи ни кансэй сита но ва, ХХ-бутё: но го-бэнтацу но окагэ дэс* – «Этот проект успешно завершился благодаря наставлениям начальника ХХ отдела» [Составлено носителем языка];

④ 今後も何卒宜しく御鞭撻の程、お願い申し上げます *Конго мо нани то дзо ёросику го-бэнтацу но ходо, о-нэгай мо: сиагэмасу* – «В дальнейшем также прошу вас о наставлениях и поддержке» [中納言].

В первых двух примерах используется вербальная версия рассматриваемого П2ФК, в двух последующих – более распространённая именная реализация соответствующей протоки-тайской лексики.

Итак, глагольные П2ФК в соответствии со своими имманентными свойствами могут быть предикативными компонентами высказывания. При этом грамматическая система японского языка наделяет их вербальным формантом *суру*, объективирующим их глагольные свойства. Глагольные П2ФК могут также использоваться в номинализованном виде, образуя конверсионные именные омонимы глагольных китаизмов.

3.3 Адъективные П2ФК

Адъективные протоки-тайские фразеологизмы относятся к лексическому классу именных (полупредикативных) прилагательных японского языка. У П2ФК этого класса адъективная форма, как правило, сосуществует с параллельно функционирующей именной формой, с которой адъективное слово связано генетически. Это проявляется и в названии «именные» (полупредикативные) прилагательные. Приведём примеры:

1) 放漫 (な) *хо:ман (-на)* – «распущенный, безответственный», «расхлябанный»; 放 *хо:* – «отпускать, освободить», 漫 *ман* – «разливаться, выходить из берегов»; грамматически здесь два предиката, обозначающие последовательные действия (точнее – события), – 放 (*хо:*) и 漫 (*ман*). Это полупредикативное прилагательное обычно имеет негативную коннотацию и используется для критики поведения, которое вышло за рамки дозволенного. Использование характерно преимущественно для делового языка, в повседневной разговорной речи употребляется редко. Например:

① 彼の放漫な性格のせいで、プロジェクトは失敗に終わった *Карэ но хо:манна сэйкаку но сэй дэ, пуродзэкуто ва сиппай ни оватта* – «Из-за его безответственного характера проект провалился» [Составлено носителем языка];

② 放漫な管理の結果、会社の利益が大幅に減少した *Хо:манна канри но кэкка, кайся но ризки га о:хаба ни гэнсё: сита* – «Вследствие небрежного управления прибыль компании значительно сократилась» [ChatGPT];

③ 彼の**放漫**な仕事の進め方が問題になっている *Карэ но хо:манна сигото но сусумэката га мондай ни наттэ иру* – «Его безответственное отношение к работе стало проблемой» [ChatGPT];

④ **放漫**にお金を使うと、後で困ることになるだろう *Хо:ман ни о-канэ о цукау то, ато дэ комару кото ни нару даро:* – «Если безответственно тратить деньги, потом возникнут проблемы» [ChatGPT];

⑤ 彼が**放漫**にプロジェクトを進めたため、悪い結果に終わってしまった *Карэ га хо:ман ни пуродзэкуто о сусумэта тамэ, варуй кэкка ни оваттэ симатта* – «Из-за того, что он вёл проект безответственно, результаты оказались плачевными» [Составлено носителем языка];

⑥ それは本当に何もない虚無や、判断や分別をなくした**放漫**ではないとも言う *Сорэ ва хонто: ни нанимо най кёму я, хандан я фумбэцу о накусита хо:ман дэ ва най то мо иу* – «Говорят также, что это совсем не пустяк, но и не легкомысленное потакание своим желаниям без рассуждений и размышлений» [中納言].

В приведённых шести примерах представлена полная парадигма японского предикативного прилагательного: ~な; ~に; ~である. Нередко встречается и именной омоним этого полупредикативного прилагательного, например:

① 財政も**放漫**と言わざるを得ない *Дзайсэй мо хо:ман то ивадзару о энэй* – «Управление финансами также нельзя не назвать безалаберным» [中納言];

② やりっぱなしで締まりのないことを「**放漫**」というが... *Яриппанаси дэ симари но най кото о «хо:ман» то иу га...* – «Незавершённая и отсутствие порядка называют беспечностью, но...» [中納言].

Глагольная форма от **放漫** в современном языке нами не была обнаружена. Для выражения действий, связанных с чьей-то расхлябанностью или небрежностью, обычно используются такие глаголы, как 怠ける *намакэру* – «лениться» или 放置する *хо:ти суру* – «оставлять без внимания», «игнорировать».

2) 老練 (な) *ро:рэн (-на)* – «опытный», «умудрённый опытом», «искусный»; 老 *ро:* – «старый», 練 *рэн* – «тренировать, оттачивать»; грамматически здесь субъектно-предикатная конструкция: 老 (*ро:*) – субъект, 練 (*рэн*) – предикат. Это полупредикативное прилагательное обычно используется для описания людей, имеющих значительный опыт в какой-то профессиональной области (политики, военные, искусные мастера чего-то). Приведём примеры:

① **老練**な彼は、どんな問題にも冷静に対応できる *Рорэнна карэ ва, донна мондай ни мо рэйсэй ни тайо: дэкиру* – «Он, как человек опытный, умеет легко справляться с любыми проблемами» [Составлено носителем языка];

② その**老練**な医師は、難しい手術を見事に成功させた *Соно ро:рэнна иси ва, мудзукасий сюдзюцу о мигото ни сэйко: сасэта* – «Тот опытный врач успешно провёл сложную операцию» [ChatGPT];

③ それで社交界の女はみんな**老練**で、一筋縄ではいかない *Сорэдэ сяко:кай но онна ва минна ро:рэн дэ, хитосудзинава дэ ва иканай* – «Поэтому все женщины из высшего общества опытные и непросты в обращении» [中納言];

④ 彼は**老練**に交渉を進め、最終的に合意に達した *Карэ ва ро:рэн ни ко:сё: о сумэ, сайсю:тэки ни го:и ни тассита* – «Он искусно вёл переговоры, и в итоге соглашение было достигнуто» [ChatGPT];

⑤ 二人とも、**老練**の重臣だから、元就が何を考えているかよく分かる *Футари то мо, ро:рэн но дзю:син да кара, Мотонари га нани о кангаэтэ иру ка ёку вакару* – «Оба они – опытные вассалы, поэтому хорошо понимают, о чём думает Мотонари» [中納言].

В первых четырёх примерах представлена парадигма изменения полупредикативного прилагательного **老練**な, в последнем примере данная лексема используется как имя существительное.

3) 冗長 (な) *дзё:тё:* (-на) – «многословный», «избыточный», «затянутый»; 冗 *дзё:* – «лишний», 長 *тё:* – «длинный, продолжительный»; грамматически это копулятивное сочетание двух адъективных компонентов П2ФК – 冗 (*дзё:*) и 長 (*тё:*). Это полупредикативное прилагательное обычно имеет негативную коннотацию, указывая на перегруженность речи излишними деталями; используется в деловых и академических дискурсах для импликации необходимости большей лаконичности и конкретности. Приведём примеры:

① 冗長な部分を削って、もっと簡潔に説明してください *Дзё:тё:на бубун о кэдзуттэ, мотто канкэцу ни сэцумэй ситэ кудасай* – «Пожалуйста, избавьтесь от многословия и объясните (всё) более лаконично» [ChatGPT];

② 彼の説明は冗長すぎて、要点がわかりにくい *Карэ но сэцумэй ва дзё:тё: сугитэ, ё:тэн га вакариникуй* – «Его объяснение слишком затянато, и основные моменты понять трудно» [ChatGPT];

③ このレポートは冗長で、読むのに時間がかかる *Коно рэпо:то ва дзё:тё: дэ, ёму но ни дзикан га какару* – «Этот отчёт слишком многословен, и его чтение занимает много времени» [ChatGPT];

④ この文章は冗長表現が目立ち、理解しづらい *Коно бунсё: ва дзё:тё: хё:гэн га мэдати, рикай сидзурай* – «В этом тексте слишком заметна многословность, и его трудно понять» [ChatGPT];

⑤ ただし、冗長にならないように気を付けなといけません *Тадаси, дзё:тё: ни наранай ё: ни ки о цукэнai то икэмасэн* – «Однако нужно следить за тем, чтобы не быть слишком многословным» [中納言].

Примеры 1–3 иллюстрируют функционирование слова **冗長** в качестве полупредикативного прилагательного, в примерах 4 и 5 представлено использование имени существительного, от которого, по всей вероятности, произошёл описываемый адъективный П2ФК.

4) 軽妙 (な) *кэймё:* (-на) – «изящный», «остроумный», «лёгкий и искусный»; 軽 *кэй* – «лёгкий», 妙 *мё:* – «таинственный, чудесный»; грамматически – копулятивное сочетание двух качественных компонентов – 軽 (*кэй*) и 妙 (*мё:*); обычно описывает что-то лёгкое и элегантное, остроумное и искусное. При этом в речи о людях часто подчёркивается сочетание лёгкости и мастерства, демонстрируемое тонкое остроумие. Например:

① 軽妙な立ち居振る舞いで、彼はすぐに人気者になった *Кэймё:на татии фурумаи дэ, карэ ва сугу ни нинкимоно ни натта* – «Благодаря своему лёгкому и изящному поведению он быстро стал популярной личностью» [Составлено носителем языка];

② 軽妙な話術で、彼はすぐに皆の心をつかんだ *Кэймё: на вадзюцу дэ, карэ ва сугу ни минна но кокоро о цуканда* – «Элегантной манерой речи он быстро завоевал сердца всех» [Составлено носителем языка];

③ 軽妙に相手と言葉のやりとりができず、雰囲気は窮屈で重くなってしまう *Кэймё: ни айтэ то котоба но яритори га дэкидзу, фунъики га кю:куцу дэ омоку наттэ симау* – «Не удаётся легко и изящно вести разговор с собеседником, и атмосфера становится напряжённой и тяжёлой» [中納言];

④ 彼のスピーチは軽妙であると同時に、非常に説得力があった *Карэ но супи:ти ва кэймё: дэ ару то до:дзи ни, хидзё: ни сэттокурёку га атта* – «Его речь была не только лёгкой и изящной, но и чрезвычайно убедительной» [ChatGPT];

⑤ このドラマでも、水谷さんの軽妙さがいかに発揮されている *Коно дорама дэ мо, Мидзутани-сан но кэймё:са га иканнаку хакки сарэтэ иру* – «И в этом сериале полностью проявились лёгкость и изящество Мидзутани» [中納言].

В первых четырёх примерах представлена полная парадигма словоизменения полупредикативного (именного) прилагательного, а пятый пример показывает способность этой адъективной лексемы присоединять словообразовательный суффикс предикативных прилагательных *-са* (軽妙さ *кэймё:са* – «лёгкость, изящество»).

5) 不遜 (な) *фусон (-на)* – «высокомерный», «заносчивый», «надменный»; 不 *фу* – «не, без», 遜 *сон* – «скромность, уступчивость»; грамматически здесь отрицательное утверждение (отрицание признака): 不 (*фу*) обозначает отрицание, 遜 (*сон*) – отрицаемый признак. Этот П2ФК обычно фигурирует при описании поведения человека, который действует дерзко или с презрением относится к окружающим, ведёт себя так, будто он выше или лучше других. Приведём примеры:

① 彼の不遜な態度には誰もが驚いた *Карэ но фусонна тайдо ни ва дарэ мо га одоройта* – «Все были удивлены его высокомерным поведением» [ChatGPT];

② 不遜な行動をとる者は、周囲の信頼を失うことが多い *Фусонна ко:до: о тору моно ва, сю:и но синрай о усинау кото га о:й* – «Люди, которые ведут себя надменно, часто теряют доверие окружающих» [ChatGPT];

③ 不遜にふるまうと、周りの信頼を失うことになる *Фусон ни фурумау то, мавари но синрай о усинау кото ни нару* – «Когда ведёшь себя надменно, часто теряешь доверие окружающих» [Составлено носителем языка];

④ その発言は不遜であるとして批判を受けた *Соно хацугэн ва фусон дэ ару то ситэ хихан о укэта* – «Это высказывание подверглось критике за то, что было сочтено высокомерным» [ChatGPT];

⑤ ただそうした不遜さが快活で健全な心を傷付けた点は申し訳ないと思う *Тада со: сита фусонса га кайкацу дэ кэндзэнна кокоро о кидзуцукэта тэн ва мо:сивакэнэй то омоу* – «Однако мне жаль, что эта дерзость задела жизнерадостное и здоровое сердце» [中納言];

⑥ 年長者を前にすると不遜とも言えるような胆力が湧き上がってくる *Нэнтё:ся о маэ ни суру то фусон то мо иэру ё:на танрёку га вакиагаттэ куру* – «Когда я оказываюсь перед старшими, у меня появляется смелость, которую можно назвать даже дерзостью» [中納言].

Примеры показывают полную парадигму функционирования полупредикативного прилагательного, а также способность рассматриваемой адъективной лексемы присоединять словообразовательный аффикс предикативных прилагательных *-са* (不遜さ *фусонса* – «высокомерие», «надменность»). В современном японском языке используется также и имя существительное 不遜, по всей вероятности, являющееся именным этимоном описанной адъективной лексемы (последний пример).

б) 飄逸 (な) *хэ:ицу* (-на) – «изысканный», «непринуждённый», «лёгкий»; 飄 *хэ:* – «витать, парить», 逸 *ицу* – «уходить, избегать»; этимологически соположение двух глаголов, обозначающих последовательные действия, – 飄 (*хэ:*) и 逸 (*ицу*); обычно описывает состояние лёгкости и грации, когда речь идёт о произведениях литературы и искусства; передаёт чувство свободы, непринуждённости и утончённости, часто с оттенком возвышенности или отстранённости от обыденности, например:

① 小鹿野に、絵もよくした飄逸な俳士がいたのである *Огано ни, э мо ёку сита хэ:ицуна хайси га ита но дэ ару* – «В Огано жил изысканный и утончённый поэт хайку, который также хорошо рисовал» [中納言];

② そうした嗜好が自ずと五絶に反映して、脱俗的で飄逸な味わいを醸し出している、と思われる *Со:сита сико: га онодзутто годзэцу ни ханъэй ситэ, дацудзокутэки дэ хэ:ицуна адзиваи о камосидаситэ иру, то омарэру* – «Думается, что такие предпочтения естественным образом отразились в пятистишиях, придавая им очарование утончённости и непринуждённости» [中納言];

③ その作家の文章は、飄逸かつ優雅である *Соно сакка но бунсё: ва, хэ:ицу кацу ю:га дэ ару* – «Стиль текстов этого автора лёгок и элегантен» [Составлено носителем языка].

Приведённые три примера иллюстрируют использование этой лексемы в качестве полупредикативного (именного) прилагательного. Исходная протокитайская лексема 飄逸 может также употребляться в именной форме, например:

④ 俳人とも親しくつきあっていた崑山¹の、俳画的特徴を示す軽妙洒脱、飄逸の線を示す *Хайдзин то мо ситасику цукиаттэ ита Кадзан но, хайгатэки токутё: о симэсу кэймё:-сядацу, хэ:ицу но сэн о симэсу* – «Кадзан, который был в близких отношениях с сочинителями хайку, демонстрирует лёгкость, утончённость и непринуждённость линий, характерных для живописи в стиле хай-кай» [中納言].

Итак, адъективные П2ФК ведут себя как полупредикативные (именные) прилагательные японского языка. Как правило, они имеют этимоны в виде имён существительных и не способны вербализоваться, присоединяя формант *суру*. В некоторых случаях способны присоединять грамму *-са*, являющуюся словообразовательным элементом предикативных прилагательных.

3.4 Адвербиальные П2ФК

Адвербиальные протокитайские фразеологизмы относятся к лексическому классу наречий, основное назначение которых состоит в функционировании в качестве приакцидентных определений. У П2ФК этого класса адвербиальная форма может сочетаться с адъективной и/или

¹ Ватанабэ Кадзан (渡辺崑山; 1793–1841) – японский художник, учёный и политик.

именной реализациями исходной протокитайской лексемы, с которыми соответствующее наречие связано генетически. Вербализация адвербиальных словоформ путём присоединения форманта суру обычно невозможна. Рассмотрим адвербиальные П2ФК на конкретных примерах:

1) 泰然 (と) *тайдзэн (-то)* – кн. «спокойно; невозмутимо, уверенно»; 泰 *тай* – «спокойный, величественный», 然 *дзэн* – «такой, подобный»; грамматически субъектно-предикатный композит, 泰 *тай* – субъект, 然 *дзэн* – предикат. Это наречие обычно с положительной коннотацией описывает состояние человека, сохраняющего хладнокровие и мужество даже в сложных и стрессовых ситуациях¹. Например:

① 困難な状況にもかかわらず、彼は泰然としていた *Коннанна дзё:кё: ни мо какаварадзу, карэ ва тайдзэн то ситэ ита* – «Несмотря на трудные обстоятельства, он держался с полным хладнокровием и спокойствием» [Составлено носителем языка];

② 泰然と構えて、状況を冷静に見つめることが重要だ *Тайдзэн то камаэтэ, дзё:кё: о рэйсэй ни мицумэру кото га дзю:ё: да* – «Важно сохранять спокойствие и трезво оценивать ситуацию» [ChatGPT];

③ 旗本は、巖のような信長の泰然たる態度に、勇気の熱を得た *Хатамото ва, ива но ё:на Нобунага но тайдзэн-тару тайдо ни, ю:ки но нэцу о эта* – «Хатамото черпали храбрость из невозмутимого, словно скала, вида Нобунага» [中納言].

Первые два примера иллюстрируют адвербиальное употребление слова 泰然, в третьем примере представлена адъективная форма. Именных и глагольных форм этой лексемы не было обнаружено.

2) 躍如 (と) *якудзё (-то)* – «ярко, живо и наглядно»; 躍 *яку* – «прыгать, скакать», 如 *дзё* – «походить (быть похожим) на...»; «быть таким же, как...»; «соответствовать»; этимологически соположение двух глаголов, обозначающих последовательные действия, – 躍 (*яку*) и 如 (*дзё*). Это наречие выражает эффектное проявление чего-либо, будь то талант, качество, усилие или событие. Например:

① 躍如として描かれた戦争の光景に圧倒された *Якудзё то ситэ эгакарэта сэнсo: но ко:кэй ни атто: сарэта* – «Я был поражён живым изображением сцены войны» [ChatGPT];

② ここに庶民出身の秀吉の面目が躍如としていられる *Коко ни сёмин-сюссин но Хидэёси но мэмоку га якудзё то ситэ иру то омарэрэру* – «Думается, что здесь ярко проявляется сущность Хидэёси как выходца из простонародья»² [中納言].

Исходная протокитайская лексема часто употребляется в адъективной форме 躍如たる, более редко – в виде имени существительного 躍如 (*якудзё*), например:

① 彼は躍如たる姿を見せた *Карэ ва якудзё-тару сугата о мисэта* – «Он проявил себя во всём блеске» [ChatGPT];

② 彼の才能の躍如が見られる *Карэ но сайно: но якудзё га мирарэрэру* – «Здесь можно увидеть явное проявление его таланта» [ChatGPT].

¹ Используется также в составе П4ФК 泰然自若 (*тайдзэн-дзидзюку*) ~として – «с полным спокойствием», «хладнокровно, невозмутимо».

² В подобном значении часто встречается в составе П4ФК 面目躍如 *мэммоку-якудзё* – «демонстрировать свои способности», «ярко проявлять свою сущность», например: 今回の試合で彼は面目躍如の活躍を見せた *Конкай но сий дэ карэ ва мэмоку-якудзё но кацуюку о мисэта* – «В этом матче он ярко проявил себя» [ChatGPT].

3) 悠然 (と) *ю:дзэн (-то)* – «спокойно, невозмутимо»; 悠 *ю:* – «величавость», 然 *дзэн* – «такой, как есть»; грамматически субъектно-предикатная конструкция 悠 (*ю:*) – субъект, 然 (*дзэн*) – предикат; букв. «Величавость – неизменна»; часто используется при описании лиц, ведущих себя спокойно и невозмутимо, не поддаваясь влиянию внешних факторов. Например:

① 彼女は悠然と問題に取り組んだ *Канодзё ва ю:дзэн то мондай ни торикунда* – «Она невозмутимо взялась за решение проблемы» [ChatGPT];

② 悠然と私を見据えている *Ю:дзэн то ватаси о мисуэтэ иру* – «(Он) спокойно и невозмутимо смотрит (на меня)» [中納言];

③ すぐそばに悠然と流れる滑川を眺め、夕方には寺から鐘の音が聞こえる *Сузу соба ни ю:дзэн то нагарэру Намэрикава о нагамэ, ю:гата ни ва тэра кара канэ но ото га кикоэру* – «Любуешься спокойным течением реки Намэрикава, что течёт совсем рядом, а по вечерам слышится звук колоколов из храма» [中納言].

Слово 悠然 эпизодически используется в именной форме и несколько более часто – в адъективной *～たる*, например:

① 悠然の境地に達するためには、多くの経験が必要だ *Ю:дзэн но кё:ти ни тас-суру тамэ ни ва, о:ку но кэйкэн га хицүё: да* – «Чтобы достичь состояния безмятежности, требуется большой жизненный опыт» [ChatGPT];

② 男は酒場を出て、悠然たる足取りで海辺へと向かった *Отоко ва сакаба о дэтэ, ю:дзэн тару асидори дэ умибэ э то мукатта* – «Мужчина вышел из бара и направился к морскому берегу спокойной походкой» [ChatGPT].

4) 訥々 (と) *тоцүтоцү (-то)* – «медленно», «запинаясь», «нерешительно», «неуверенно»; 訥 *тоцү* – «запинаться»; грамматически 訥訥 *тоцүтоцү* представляет собой копулятивное соединение двух глагольных компонентов как средство редупликативного словообразования, в результате которого создаётся образоподражание. 訥々と описывает неуверенную, медленную манеру речи, которая может быть вызвана стеснением, возрастом или эмоциональным состоянием. В соответствии с китайской грамматикой редупликация является средством создания образных выражений, подобных исконным ономотопам. Поэтому вполне естественно грамматическое оформление таких единиц в японском языке в качестве наречий. Приведём примеры:

① 老人は訥々と、昔の思い出を語り始めた *Ро:дзин ва тоцүтоцү то, мукаси но омоидэ о катару-хадзимэта* – «Старик медленно, запинаясь, начал рассказывать свои воспоминания» [ChatGPT];

② 彼女は震え声で訥々と質問に答えた *Канодзё ва фуруэгоэ дэ тоцүтоцү то сицү-мон ни котээта* – «Она дрожащим голосом неуверенно отвечала на вопросы» [Составлено носителем языка].

Лексема 訥々 функционирует в японском языке почти исключительно в адвербиальной форме.

5) 滔々 (と) *то:то: (-то)* – «быстро, стремительно (о течении воды)»; 滔 *то:* – «разливаться», «бурлить», «вздвигаться» (о волнах); грамматически здесь два предиката – 滔 и 滔, с помощью сочетания которых создаётся ономотоп со значением стремительно совершаемого действия. Например:

① 氷の間から水が滔々と湧き出ているようだ *Ko:ri no айда кара мидзу га то:то: то вакидэтэ иру ё: да* – «Похоже, что вода сильным потоком бьёт из-под льда» [中納言];

② 彼は滔々と話しつづけた *Карэ ва то:то: то ханасицудзукэта* – «Он продолжал и продолжал говорить складно и живо» [Составлено носителем языка];

③ 小泉氏は米国大使に日本の未来像について滔々と語っています *Коидзуми-си ва Бэйкоку тайси ни Нихон но мирайдзо: ни цуйтэ то:то: то кататтэ имасу* – «Господин Коидзуми красноречиво рассказывает послу США о видении будущего Японии» [中納言];

④ 滔々たる言葉で彼は皆を説得した *То:то:-тару котоба дэ карэ ва мина о сэттоку сита* – «Своей бурной речью он убедил всех» [Составлено носителем языка].

Первые три примера иллюстрируют речевое использование адвербиальной формы П2ФК 滔々. В четвёртом примере представлена адъективная форма П2ФК ~たる. Глагольные и именные реализации этой протокитайской лексемы не были обнаружены.

Наши наблюдения над П2ФК показывают, что сформированные из протокитайских слов адвербиальные словоформы получают грамматическое оформление в соответствии с правилами японской грамматики. При этом протокитайские лексемы, являющиеся этимонами адвербиальных, обычно продолжают использоваться в виде имён и/или полупредикативных прилагательных. Протокитайские лексемы обладают свойством функционально-семантической транзитивности, дающим возможность создавать из исходных протокитайских именных лексем адъективные и адвербиальные словоформы, этимологически связанные с исходной (материнской) именной лексемой.

Наибольшей функционально-семантической транзитивностью обладают глагольные (вербальные) протокитайские лексемы. Способность протокитайских лексем фигурировать в качестве словоформ, относящихся к разным частям речи, несколько ограничивается, когда эти словоформы получают грамматическое оформление в системе японского языка как глаголы, прилагательные и наречия при помощи соответствующих грамматических маркеров (*суру*, *-на*, *-то*). Это стабилизирует систему китаизмов японского языка, понижает омонимичность протокитайской лексики. Адвербиальные словоформы, как правило, не вербализируются, вербализация именных словоформ также ограничена.

Рассмотренный языковой материал показывает, что развитие протокитайской лексики в японском языке идёт от именных и глагольных протокитайских лексем, обладающих максимальной функционально-семантической транзитивностью (способностью функционировать в качестве разных частей речи) и высокой омонимичностью, к адъективным и адвербиальным словоформам, которые, получая надлежащее грамматическое оформление по нормам японского языка (*-на*, *-то*), функционально сближаются с исконно японскими прилагательными и наречиями. Их синтаксическое использование стабилизируется, а функционально-семантическая транзитивность и омонимичность понижаются.

Заключение

Многие П2ФК современного японского связаны с китайским языком, историей и культурой Китая. В их структурной организации всё ещё заметны элементы грамматики *вэньяня*, и они неразрывно связаны с китайской иероглифической графикой [6]. В семантическом развитии двухсимвольных фразеологизмов можно заметить немало универсальных явлений,

сближающих фразеологию японского языка с фразеологией других языков, однако важные особенности фразеологии японского языка связаны с иероглифической графикой, а также с генетической связью многих японских фразеологизмов с книжными стилями классического китайского литературного языка, откуда яркие и экспрессивные протокитайские выражения как бы извлекались и «вбрасывались» в реальную устную и письменную коммуникацию японского этноязыкового коллектива.

В отличие от исконно японской лексики, протокитайские фразеологизмы требуют от современных японцев активного владения китайской иероглифической письменностью, выходящей по своему корпусу далеко за пределы введённых иероглифических лимитов [7]. Нерывная связь протокитайских фразеологизмов с иероглифической графикой ограничивает использование основного массива протокитайских фразеологизмов преимущественно письменной формой речи. Впрочем, иероглифическая культура, в которой японское общество существовало на протяжении многих столетий, способствовала тому, что и исконно японские слова, как правило, понятные на слух вне иероглифической графики, одевались в иероглифические одежды, а использование приёмов *атэдзи* привело к появлению многочисленных и разнообразных иероглифических фразеологизмов и даже идиоматических сочетаний иероглифов.

Двухсимвольные *канго* для носителей японского языка семантически, по всей вероятности, представляют собой целостные смысловые единицы, зарегистрированные в словарях и представленные в памяти людей в целостном виде, поэтому их грамматическая структура и «внутренняя форма» (этимология) обычно мало актуальна для говорящего. При этом словари обычно приписывают составным компонентам идиоматичных двухсимвольных канго и значения, возникшие в ходе их фразеологизации как значения всего П2ФК.

Протокитайская лексика (*канго*) в современном японском языке исчисляется десятками тысяч единиц, а наша попытка её рассмотрения через призму теории фразеологии основывается на весьма незначительной части протокитайских лексем, поэтому перед нами terra incognita, заслуживающая дальнейшего исследования и таящая в себе множество удивительных открытий.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры». 1998. 895 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. Учебное пособие. М.: Изд-во «Флинта», 2014. 308 с.
3. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф, Джордж, Джонсон, Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: «Едиториал» УРСС, 2004. С. 7–21.
4. Гуревич Т.М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: «Моногатари», 2011. 144 с.
5. Дыбовский А.С. Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 71–102.
6. Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.
7. Дыбовский А.С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136.

8. Карапетьянц А.М., Аошуан Тань. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: «Муравей», 2001. 383 с.
9. Потебня А.А. «Мысль и язык» // Потебня А.А. Слово и миф. М.: «Правда», 1989. С. 17–200.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
11. Weblio 辞書 = Словарь Weblio. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) / (дата обращения: 28.08.2024).
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago press, 2003 (1980). 193 p.
13. PI 言語 二字熟語 140 選 = Синтетический инвентарь личности: язык. 140 специально отобранных двухсимвольных фразеологизмов.
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqir8s> (дата обращения: 10.10.2024).
14. 当て字. Wikipedia = Произвольно «подставленные» иероглифы. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/当て字> (дата обращения: 14.01.2025).
15. 荒川 清 秀 [書評] 孫 建軍著『近代日本語の起源—幕末明治初期につくられた新漢語—』 // 日本語の研究 第 13 卷 1 号 2017.1.1 = Аракава Киёхидэ (рецензия). Сунь Цзяньцзюнь. Происхождение современного японского языка. Новые кандзи, созданные в конце сёгуната (Токугава) и начале периода Мэйдзи // Исследования по японскому языку. Том 13. Вып. 1. 1 января 2017 г. С. 43–49.
16. シピトウニナ・マリーナ 概念メタファーと言語教育—ロシア語のケース— // ロシア語教育研究 第 7 号, 日本ロシア語教育研究会 = Щепетунина Марина. Концептуальные метафоры и обучение языку: на примере русского языка // Исследование проблем преподавания русского языка. Вып. 7 / Японское общество по исследованию проблем преподавания русского языка. 2016. С. 57–65.
17. 熟字訓. Wikipedia = исконно японские слова, в графической фиксации которых используются устойчивые идеографические сочетания китайских иероглифов. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/熟字訓> (дата обращения: 14.01.2025).
18. 中納言コーパス検索アプリケーション = Корпус японского языка «Тюнагон». Поисковое приложение. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 29.08.2024).
19. 鍋島 弘治朗 日本語のメタファー くろしお出版 東京 = Набэсима Кодзиро. Метафоры в японском языке. Издательство Курошио. Токио, 2012. 361 с.
20. 和製漢語. Wikipedia = Канго, созданные в Японии. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/和製漢語> (дата обращения: 14.01.2025).

References

1. *Arutyunova N.D.* Language and the human world. М.: Languages of Russian culture. 1998. 895 p. (In Russ.).
2. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Foundations of phraseology: A short course. Textbook. М.: Flinta Publishing House, 2014. 308 p. (In Russ.).
3. *Baranov A.N.* Editor's preface. *Lakoff, George, Johnson, Mark. Metaphors We Live By: Translated from English.* Edited and with a preface by A.N. Baranov. М.: Editorial URSS, 2004. P. 7–21. (In Russ.).

4. Gurevich T.M. Japanese-Russian educational dictionary of Yojjukugo. M.: Monogatari, 2011. 144 p. (In Russ.).
5. Dybovskiy A.S. Three-character idioms of modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 71–102. (In Russ.).
6. Dybovskiy A.S. Elements of Chinese grammar in modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).
7. Dybovskiy A.S. Language planning in Japan from the mid-19th to the early 21st century. *Proceedings of the Eastern Institute*, 2024, no. 3, pp. 123–136. (In Russ.).
8. Karapetyants A.M., Aoshunan Tan. Textbook of classical Chinese language (wenyan). M.: Muravei, 2001. 383 p. (In Russ.).
9. Potebnya A.A. Thought and language. *Potebnya A.A. Word and Myth*. M.: Pravda Publishing House, 1989. P. 17–200. (In Russ.).
10. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M.: School of "Languages of Russian Culture", 1996. 287 p. (In Russ.).
11. Weblio Dictionary. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) / (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago press, 2003 (1980). 193 p.
13. Synthetic personality inventory: language. 140 selected two-character idioms. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s> (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).
14. Ateji. Wikipedia = Arbitrarily "substituted" kanji. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/当て字> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).
15. Arakawa Kiyohide [Book Review] Sun Jianjun. The origins of modern Japanese language – New kanji created at the end of the Tokugawa shogunate and early Meiji period. *Studies in Japanese Language*, vol. 13, iss. 1. January 1, 2017, pp. 43–49. (In Jap.).
16. Shchepetunina M. Conceptual metaphors and language education: The case of Russian language. *Russian Language Education Research*, iss. 7. Japanese society for Russian language education research. 2016, pp. 57–65. (In Jap.).
17. Jukujikun. Wikipedia = Native Japanese words graphically represented using stable ideographic combinations of Chinese characters. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/熟字訓> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).
18. Chunagon corpus search application = Japanese language corpus "Chunagon". Search application. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
19. Nabeshima Kojiro. *Metaphors in the Japanese language*. Kuroshio Publishing. Tokyo, 2012. 361 p. (In Jap.).
20. Kango created in Japan. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/和製漢語> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 12.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 14.02.2025

Принята к публикации / Accepted 14.02.2025